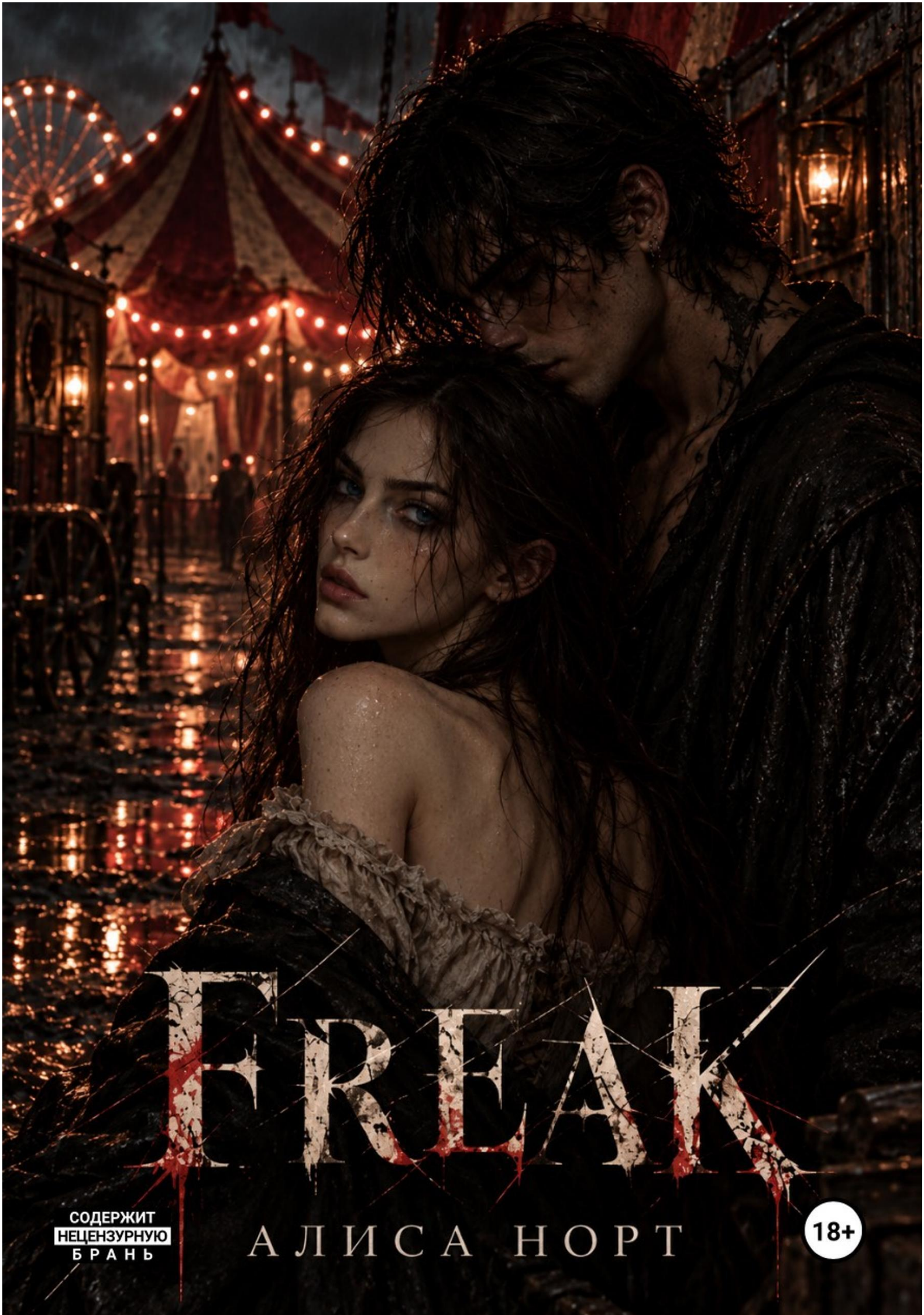

FREAK
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
АЛИСА НОРТ
18+

Алиса Норт

Freak

«Автор»
2026

Норт А.

Freak / А. Норт — «Автор», 2026

Америка, 1950-е годы.Для одних бродячий цирк — развлечение на один вечер. Для других — единственное место, где им позволено существовать.Джоанна никогда не думала, что однажды окажется среди тех, кого публика приходит разглядывать за деньги. Сбежав от матери, она попадает в странный цирк, населённый людьми, которым не нашлось места в обычном мире.Здесь у каждого своя история. Свои уродства, тайны и причины не возвращаться домой.И здесь есть Зейн.Холодный, жестокий, непредсказуемый. Иногда он становится почти другим человеком, заставляя Джоанну поверить, что за его грубостью скрывается кто-то, способный её понять. Но стоит ей приблизиться, как он снова причиняет боль.Джоанна искала место, где наконец сможет почувствовать себя нужной. Только чем дольше она остаётся в цирке, тем труднее ей понять, что страшнее: мир, из которого она сбежала, или человек, к которому её так неудержимо тянет.

© Норт А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 21
Глава 3 34
Гла 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Алиса Норт
Freak

Глава 1

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ
Только три вечера!
СПРИНГФИЛД · МИССУРИ · 1956

В августе 1956 года цирк Морроу прибыл в Спрингфилд, штат Миссури, в сопровождении одиннадцати грузовиков, семи жилых фургонов, двух автомобилей и старого автобуса, который уже несколько лет использовали исключительно для перевозки реквизита.

Когда-то автомобилей было больше. Как и артистов, и лошадей, и денег в жестяном сейфе Августа Морроу. Однако от прежнего величия передвижного цирка остались главным образом воспоминания его владельца да выцветшие рекламные плакаты, на которых всё ещё красовались слова **«Величайшее представление Америки».**

Впрочем, публика не особенно интересовалась тем, что происходило с цирком прежде. Люди хотели развлечений.

Хотели увидеть то, о чём потом можно будет рассказывать соседям, сидя на веранде с бутылкой холодного пива. Хотели испытать приятный ужас, заплатив за него полдоллара, а затем вернуться в собственные дома, к чистым простыням, воскресным церковным службам и уверенности в том, что мир устроен совершенно нормально.

Цирк Морроу охотно предоставлял им такую возможность.

Колонна прибыла на пустырь к югу от города ранним утром, когда над кукурузными полями ещё лежала лёгкая дымка. Водители выбирались из кабин с затёкшими спинами, плевали в сухую землю и первым делом искали, где можно справить нужду. Из-под колёс поднималась мелкая рыжеватая пыль. Воздух пах горячим металлом, бензином, дорожной грязью и прелой мешковиной.

Землю для стоянки арендовали у местного фермера. Тот запросил непомерную сумму, долго торговался с Морроу и в конце концов согласился уступить несколько долларов, когда понял, что в противном случае цирк расположится у соседей.

К полудню на поле вырос главный шатёр. Огромное полотнище из красных и кремовых полос натянули на деревянные опоры, закрепив толстыми канатами. Вблизи было видно, что брезент давно нуждается в замене. Белые полосы приобрели цвет старой слоновой кости, красные выгорели до тусклого кирпичного оттенка, а вдоль нижнего края тянулись грубые заплаты. Некоторые были пришиты так давно, что ткань вокруг них успела истлеть.

Рабочие, нанятые в городе на день, забивали колья тяжёлыми молотами, переругивались и пили тёплую воду из жестяного бака. Под шатром устанавливали деревянные скамьи, рассыпали свежие опилки и проверяли электрическую проводку. Старый генератор несколько раз захлёбывался и глох, пока наконец не заработал с ровным, раздражающим гулом.

К вечеру цирк преобразился.

Над кассами зажглись гирлянды жёлтых лампочек. Их свет дрожал в наступающих сумерках, отражался в стёклах торговых палаток и придавал даже самым облезлым фургонам почти праздничный вид.

На краю ярмарочной площадки установили тележку с горячей кукурузой. Полная женщина в жёлтом хлопчатобумажном платье вынимала початки из кипящей воды, густо смазы-

вала сливочным маслом и заворачивала в вощёную бумагу. Сладковатый пар поднимался над её головой, смешиваясь с запахом жареных сосисок, попкорна и карамели.

Неподалёку продавали яблоки в красной сахарной глазури. Мальчишка с веснушчатым носом разливал лимонад в бумажные стаканчики, а его отец, краснолицый мужчина в соломенной шляпе, безуспешно пытался заставить старую машину для попкорна работать без перебоев.

Кукурузные зёрна взрывались за стеклом короткими сухими хлопками. Ветер приносил с поля запах влажной земли, нагретой травы и навоза с соседней фермы.

Из громкоговорителей доносился весёлый оркестровый марш, записанный на пластинку. Музыка потрескивала, иногда замедлялась и снова набирала прежний темп. Над головами посетителей покачивались цветные флажки. Дети носились между палатками, матери одёргивали их за воротники, а мужчины, купившие билеты, курили возле ограждения и разглядывали огромные афиши.

На одной из них была изображена женщина с двумя лицами.

На другой — человек, пронзённый десятком длинных игл.

На третьей красовался темноволосый мужчина с запрокинутой головой. Вокруг него художник нарисовал языки пламени, а глаза оставил совершенно белыми.

Под изображением значилось: **ЗЕЙН. ЧЕЛОВЕК С ДВУМЯ ДУШАМИ.**

Ниже, буквами помельче, обещали зрелище, которое не смогут объяснить ни учёные, ни священники. Подобные обещания Август Морроу любил больше всего.

Он знал, что люди готовы платить за невозможное, особенно когда заранее уверены, что их обманывают.

***

В семь часов вечера перед главным шатром собралась очередь.

Молодая мать прижимала к груди сонную девочку, которая успела испачкать щёки карамелью. Двое фермеров спорили, действительно ли женщина с афиши обладает двумя лицами. Пожилой мужчина в подтяжках рассказывал, что видел этот цирк ещё до войны, когда здесь показывали живого великана и девушку, способную разговаривать с мертвецами.

Последнее было правдой лишь отчасти. Девушка давно перестала быть девушкой.

Звали её Рут Харпер. Сейчас ей было тридцать пять, и она стояла за сценой перед мутным зеркалом, поправляя серьгу. На ней было тёмно-синее платье с блестящими бусинами вдоль выреза. Волосы Рут уложила в аккуратные волны, но влажный воздух уже успел испортить причёску у висков. Она не любила выступать в Миссури.

В одних городах ей отказывались подавать кофе в закусочной, в других хозяева гостиниц делали вид, что свободных номеров нет. В нескольких южных штатах Морроу и вовсе менял программу, опасаясь неприятностей из-за темнокожей певицы на главной сцене. Август называл это необходимой осторожностью. Рут называла это другими словами, которые предпочитала произносить в его отсутствие.

Когда-то она пела в небольших клубах Мемфиса. У неё был хороший голос, вполне обычный для талантливой певицы, пока после смерти матери она не обнаружила, что способна воспроизводить голоса людей, которых больше не было в живых. Сначала Рут испугалась. Затем попыталась избавиться от способности. Потом поняла, что ни церковные молитвы, ни врачи, ни долгие ночи без сна ничего не меняют.

В цирк Морроу она пришла девять лет назад, после того как во время выступления случайно заговорила голосом умершей женщины. Её муж, сидевший среди зрителей, узнал этот голос и поднял такой скандал, что владелец клуба уволил Рут в тот же вечер.

Теперь она пела для людей, которые покупали билеты, надеясь испугаться.

— Рут! — донёсся из-за занавеса голос Виолы. — Если ты ещё не готова, я клянусь, что сегодня обойдёмся без твоих песен!

— Обойдитесь, — отозвалась Рут, застёгивая браслет. — Может, хоть раз публика останется довольна.

Она взяла со стола сигарету, но не успела прикурить. Занавес уже поднимался. Представление начиналось.

***

Первой на арену вышла Эстер Белл. Публика встретила её дружным смехом, как и рассчитывал Морроу. На Эстер было длинное платье из зелёного бархата, расшитое дешёвыми стеклянными камнями. На голове сидела золотистая корона, а в руке она держала маленький скипетр, изготовленный из ножки сломанного торшера.

— Леди и джентльмены! — раздался голос ведущего. — Перед вами её величество, единственная и неповторимая Маленькая императрица!

Эстер остановилась посреди арены, медленно оглядела зрителей и поморщилась.

— Я надеялась, что сегодня сюда придут люди поприличнее.

Зал расхохотался. Эстер обладала редким даром заставлять людей смеяться над собой, даже когда они приходили посмеяться над ней.

Ей было сорок четыре года. Из них почти тридцать она провела в дороге, выступая в самых разных ярмарочных труппах. В молодости она успела поработать у человека, который отбирал у артистов половину заработка за право спать под крышей, и у другого, который однажды бросил всю труппу в Канзасе, сбежав с кассой. После этого Эстер перестала доверять мужчинам в дорогих костюмах.

К Морроу она относилась с тем же подозрением, но оставалась в его цирке уже одиннадцать лет.

Здесь у неё был собственный фургон, привычный заработок и люди, которые знали, что по утрам она предпочитает пить кофе в одиночестве. За пределами цирка ей слишком часто предлагали либо роль диковинки, либо жалость. Ни того ни другого Эстер не любила.

Она закончила номер, заставив одного из зрителей встать перед ней на колени и принести шуточную присягу. Когда мужчина неуклюже опустился на грязные опилки, зал снова взорвался хохотом.

Эстер благосклонно коснулась его плеча скипетром.

— Теперь можете идти, — объявила она. — Но постарайтесь больше не размножаться. Аплодисменты сопровождали её до самого занавеса.

За кулисами Эстер немедленно сняла корону, выругалась из-за тугой застёжки платья и потребовала узнать, куда делась её бутылка воды.

Следом на арену вышел Леон Веспер. Он был высоким, худощавым мужчиной с бледными глазами и руками, покрытыми старыми шрамами. В отличие от Эстер, Леон почти не нуждался в костюме. Достаточно было расстегнуть рубашку и позволить публике увидеть следы прежних выступлений.

На афише его называли Человеком, который не чувствует боли. Это название было одновременно правдивым и отвратительно неточным.

Леон действительно почти не чувствовал боли. Но отсутствие боли не делало его тело крепче. Он ломал кости, не замечая переломов, получал ожоги и слишком поздно узнавал о воспалениях. Однажды он едва не умер от травмы, которую другой человек обнаружил бы немедленно.

Зрителям об этом не рассказывали. Им нравилось думать, что перед ними человек, которому ничего не страшно.

Леон нравился публике ещё и потому, что умел улыбаться. Он отпускал непристойные шутки, подмигивал женщинам на первых рядах и изображал такое удовольствие от собственного номера, что люди забывали о неприятном чувстве, возникавшем при виде его старых ран.

За сценой Леон был совсем другим. Он постоянно занимал деньги, плохо спал, пил больше, чем следовало, и обладал удивительным талантом узнавать чужие секреты.

Август Морроу щедро вознаграждал этот талант.

Впрочем, Леон предпочитал считать себя не доносчиком, а человеком, который умеет вовремя оказаться в нужном месте.

После него выступала Мириам Вейл. Её номер требовал почти полной темноты.

Рабочие вынесли на арену большое зеркало в тяжёлой деревянной раме. Мириам, одетая в простое чёрное платье, остановилась перед ним и подняла руку. Отражение осталось неподвижным. В зале раздался смешок.

Затем кто-то громко заявил, что зеркало фальшивое. Мириам медленно повернулась к публике. Её отражение продолжало смотреть прямо перед собой. Смех стих.

Когда женщина отошла от зеркала, отражение задержалось на прежнем месте ещё на несколько мгновений, словно не желало следовать за хозяйкой. Затем повернуло голову и посмотрело на первый ряд.

Девочка, сидевшая рядом с матерью, заплакала.

Мириам не улыбнулась. Она никогда не улыбалась во время этого номера.

В цирке она появилась в 1941 году, после нескольких лет скитаний по съёмным комнатам и дешёвым пансионам. Хозяйки отказывали ей в жилье, стоило кому-нибудь заметить странности её отражения. Однажды соседи разбили все зеркала в её комнате, уверяя, что женщина связана с нечистой силой.

Мириам тогда ещё верила, что сможет жить обычной жизнью. Теперь она жила в маленьком фургоне, выращивала в жестяных банках цветы и каждый месяц отправляла письмо сыну, которого воспитывал её бывший муж.

Ответы приходили редко.

Но в цирке, по крайней мере, никто не разбивал её зеркала и сердце.

***

За главным шатром жизнь шла своим чередом.

Пока публика восторженно аплодировала очередному чуду, в жилой части цирка женщины снимали с верёвок высохшее бельё, мужчины спорили о карточных долгах, а в кухонном вагончике подгорала большая кастрюля тушёной фасоли. Запах пережаренного лука проникал даже в гримёрные. Возле фургона костюмерной стояла Виола Морроу, жена владельца цирка.

Ей было пятьдесят четыре года. Она носила волосы в строгом узле, предпочитала тёмные платья с узкими воротниками и редко появлялась без сигареты. На каждой её руке было по шесть пальцев, и в молодости эта особенность обеспечивала ей постоянную работу на ярмарках. Виола ненавидела вспоминать собственные выступления.

Особенно афишу, на которой её руки изобразили огромными, похожими на паучьи лапы. Теперь она сама заказывала подобные афиши для других.

На столе перед ней лежали костюмы, требовавшие починки. Рядом стояла чашка остывшего чая, в котором плавала мёртвая мошка. Виола вытащила из шва сломанную булавку, отбросила её и сердито посмотрела на женщину, сидевшую у соседнего фургона.

— Ида! Если ты закончила с декорациями, займись креплениями. У нас опять отваливается задник.

Ида Кин подняла голову. Правая сторона её лица была обезображена давними ожогами. Рубцы тянулись от виска к шее, исчезали под воротником платья и продолжались на руке. Кожа в этих местах плохо переносила жару, поэтому летом Ида часто работала по ночам. Она не была разговорчивой женщиной. До пожара, случившегося пять лет назад, Ида выступала вместе с мужем. Они работали с декорациями и небольшими сценическими механизмами, а по вечерам иногда участвовали в представлениях. После пожара мужа похоронили на кладбище в Канзасе. Ида осталась в цирке.

Другой семьи у неё не было, а деньги, обещанные Морроу после несчастного случая, так и не были выплачены полностью.

— Я займусь, — ответила она.

Виола затянулась сигаретой.

— Сегодня, Ида. Не на следующей неделе. Ида ничего не сказала.

В цирке Морроу люди редко спорили из-за того, что действительно имело значение. Слишком многое здесь зависело от расположения хозяина, от места в программе и от того, сколько билетов удавалось продать за вечер. Некоторые артисты ненавидели друг друга. Некоторые спали вместе, а утром делали вид, что едва знакомы. Были и те, кто за долгие годы успел привязаться к соседям сильнее, чем когда-либо привязывался к собственной семье.

И почти всем им было некуда идти. В этом заключалась самая надёжная власть Августа Морроу. Ему не требовалось держать каждого за запертой дверью. Достаточно было знать, что ждёт этих людей за воротами цирка. А их не ждало ничего.

***

К половине девятого жара под главным шатром сделалась почти невыносимой.

Сотни людей сидели плечом к плечу на узких деревянных скамьях. Мужчины расстёгивали верхние пуговицы рубашек, женщины обмахивались программками, дети капризничали и просили пить. Под ногами валялись бумажные стаканчики, обёртки от сладостей и обглоданные кукурузные початки. От влажных опилок поднимался тяжёлый запах дерева, пота и пыли.

Рут Харпер закончила последнюю песню. Несколько секунд она пела голосом старой женщины, низким и надтреснутым, совершенно не похожим на собственный. Публика слушала молча. Потом Рут вернулась к своему обычному голосу, поклонилась и ушла за занавес под неуверенные аплодисменты. Настало время главного номера.

За кулисами засуетились рабочие. На арену вынесли тяжёлое деревянное кресло с широкими кожаными ремнями. Рядом поставили два металлических прожектора, а над сценой опустили красное полотнище, скрывавшее часть оборудования.

Август Морроу лично вышел к публике. В своём бордовом пиджаке, с аккуратно зачёсанными седыми волосами и неизменной добродушной улыбкой он выглядел так, будто собирался объявить выступление знаменитого оркестра.

— Дамы и господа! — произнёс он, дождавшись тишины. — Сегодня вы видели многое. Вы смеялись, удивлялись и, смею надеяться, получили удовольствиеот нашего скромного представления. Но то, что я собираюсь показать вам сейчас, не имеет ничего общего с обычными цирковыми трюками. В задних рядах кто-то громко свистнул.

Морроу улыбнулся ещё шире.

— Есть вещи, которые наука пока не способна объяснить. Есть тайны человеческого тела, о которых предпочитают молчать даже самые уважаемые доктора. А есть существа, существование которых наша цивилизация отказывается признавать.

Он сделал паузу.

— Сегодня вы познакомитесь с человеком, внутри которого живёт нечто другое.

Занавес раздвинулся. Зейн вышел на арену без музыки.

На нём были чёрные брюки, кожаные ботинки и белая рубашка, расстёгнутая у горла. Рукава он небрежно закатал до локтей. Тёмные волосы были зачёсаны назад, хотя несколько прядей уже упали на лоб. На смуглом лице темнела щетина. Он не улыбался.

Пока публика рассматривала его, Зейн достал из кармана сигареты, выбил одну из пачки и закурил.

— Это и есть ваш демон? — крикнул мужчина с первого ряда. — Мой зять выглядит страшнее!

Зейн повернул голову.

— Тогда передайте зятю, чтобы перестал трахать вашу жену.

Зал взорвался хохотом. Мужчина вскочил, покраснев до ушей, но его приятели уже хватали его за рукава и усаживали обратно.

Морроу сохранил улыбку. Он не любил, когда Зейн отклонялся от программы, однако прекрасно знал, что подобные выходки нравятся публике.

— Прошу вас, дамы и господа, сохранять спокойствие!

Зейн стряхнул пепел прямо на опилки и уселся в деревянное кресло. Двое рабочих закрепили ремни на его запястьях и груди. Он даже не посмотрел на них.

Затем свет погас.

В темноте раздалось несколько испуганных возгласов. Где-то заплакал ребёнок. Генератор за шатром продолжал монотонно гудеть, а из торговой палатки неподалёку всё ещё доносилась музыка, слишком весёлая для наступившей тишины.

Когда прожекторы снова вспыхнули, Зейн сидел с опущенной головой. Первые несколько мгновений ничего не происходило.

Затем он засмеялся. Смех был негромким, почти ленивым, но в нём слышалось что-то неприятное. Казалось, Зейн смеётся над шуткой, которую никто другой не способен понять.

Один из ремней натянулся. Деревянное кресло скрипнуло.

Зейн медленно поднял голову.

Его лицо осталось прежним. Те же тёмные глаза, резкие скулы, упрямо сжатые губы. Но женщина на первом ряду вдруг почувствовала, что больше не хочет на него смотреть.

Он перевёл взгляд на публику.

— Ну? — спросил Зейн.

Голос прозвучал так низко, что некоторые зрители решили, будто за занавесом включили дополнительный громкоговоритель.

— Вы же заплатили, чтобы посмотреть.

На задних рядах снова засмеялись. Зейн повернулся к источнику звука. Смех оборвался. Никто потом не смог толком объяснить, что произошло дальше.

Одни уверяли, будто кресло поднялось над ареной. Другие клялись, что видели, как от Зейна отделилась человеческая тень, хотя прожекторы светили прямо ему в лицо. Несколько человек утверждали, что он разговаривал сразу двумя голосами. Сам Морроу в тот вечер заметил лишь одну вещь. Когда Зейн начал произносить слова, которых не было в программе, Август перестал улыбаться.

Он подал знак рабочим. Занавес опустили раньше времени.

Публика возмущённо загудела, требуя продолжения, но через несколько секунд заиграл оркестровый марш, и ведущий объявил, что представление окончено. Зрители потянулись к выходу, оживлённо обсуждая увиденное.

Кто-то считал номер дешёвым обманом. Кто-то уверял, что непременно вернётся завтра. Мужчина, сидевший на первом ряду, больше не шутил.

А за кулисами Зейн спокойно расстёгивал ремни.

— Ты опять это сделал, — произнёс Морроу.

— Что именно?

— Ты прекрасно знаешь.

Зейн поднялся с кресла, разминая запястье.

— Публике же понравилось.

— Я плачу тебе не за то, чтобы ты устраивал представления по собственному усмотрению.

— Тогда найди кого-нибудь другого.

Морроу помолчал. Зейн достал новую сигарету.

Он прекрасно понимал, что хозяин не станет искать ему замену. По крайней мере, пока его номер приносил столько денег.

Возле занавеса стояла Ида Кин с ящиком инструментов. Зейн заметил её и слегка приподнял брови.

— Что, Ида? Опять смотришь так, будто собираешься меня похоронить?

Она крепче сжала ручку ящика.

— Уйди с дороги.

— Пожалуйста.

Он отступил в сторону с подчеркнутой вежливостью. Ида прошла мимо, не взглянув на него. Зейн проводил её глазами, после чего коротко усмехнулся.

Морроу видел эту сцену. Как видел множество других. Но вмешиваться не собирался.

***

В тот же вечер, когда публика расходилась после представления, девятнадцатилетняя Джоанна стояла у автобусной остановки на окраине Спрингфилда и пыталась понять, куда ей идти. У неё был коричневый чемодан с потёртыми углами, несколько долларов в кошельке и совершенно неподходящие для долгой ходьбы туфли.

На ней было светлое хлопчатобумажное платье с маленькими перламутровыми пуговицами. Мать купила его прошлой весной, сказав, что такой фасон делает дочь приличной молодой девушкой. Джоанна ненавидела это платье. Но утром, когда она собирала вещи, рука сама потянулась именно к нему.

В доме, где Джоанна провела всю жизнь, существовало множество правил. По воскресеньям следовало надевать чистое платье и посещать церковь. За столом нельзя было перебивать старших. Возвращаться домой требовалось до наступления темноты. Письма от знакомых полагалось сначала показывать матери, потому что та лучше понимала, с кем дочери следует поддерживать отношения.

Мать Джоанны считалась женщиной достойной. Соседки хвалили её за аккуратность, за прекрасные занавески, за то, как она ухаживает за домом. По праздникам она пекла яблочные пироги, относила еду заболевшим прихожанам и всегда находила доброе слово для людей, оказавшихся в затруднительном положении.

Дома она почти никогда не повышала голос. В этом не было необходимости. Достаточно было одного неодобрительного взгляда, чтобы Джоанна поняла, что сделала что-то неправильно.

Мать выбирала ей причёски, поправляла осанку, проверяла чистоту ногтей и постоянно следила за тем, как дочь ведёт себя за столом. Она могла прервать разговор, чтобы сделать замечание о внешности Джоанны, а через несколько минут ласково погладить её по голове.

Когда девушка пыталась возражать, мать смотрела на неё с таким искренним разочарованием, что Джоанна немедленно чувствовала себя виноватой. Иногда мать переставала с ней разговаривать. Это могло продолжаться день, два, иногда почти неделю.

В такие дни Джоанна особенно старательно убирала дом, гладила бельё, мыла посуду и пыталась угадать, что необходимо сделать, чтобы снова заслужить материнскую ласку. С годами она научилась замечать малейшие изменения в выражении чужого лица. Но так и не научилась понимать, чего хочет сама. Её отношения с едой тоже давно перестали быть обычными.

Болезнь развивалась постепенно. Джоанна всё чаще испытывала тревогу за столом, стыдилась собственного тела и пыталась обрести хоть какое-то ощущение контроля над жизнью. Со временем это перестало зависеть от её воли. Голод, слабость и навязчивые мысли стали частью повседневности. Однажды она потеряла сознание на кухне.

Мать вызвала врача. Тот долго расспрашивал Джоанну, осматривал её и в конце концов произнёс слова «нервная анорексия». Он говорил о серьёзном истощении и необходимости лечения.

Мать слушала его с вежливой улыбкой. Когда врач ушёл, она закрыла за ним дверь и сказала, что Джоанна поставила её в чрезвычайно неловкое положение. С тех пор к врачам больше не обращались.

В девятнадцать лет Джоанна была болезненно худой. Ей часто становилось холодно, она быстро уставала, а после долгого стояния перед глазами иногда темнело. Она привыкла скрывать слабость, потому что жалобы неизменно вызывали раздражение матери. Но внешность была лишь частью проблемы.

Гораздо страшнее оказалось то, что Джоанна постепенно перестала доверять собственным ощущениям. Она могла быть голодной и одновременно испытывать страх перед едой. Могла чувствовать себя плохо, но убеждать себя, что преувеличивает. Могла слышать от других людей, что нуждается в помощи, и всё равно думать, что просто недостаточно старается вести себя правильно.

И всё же однажды она попыталась изменить свою жизнь. Весной Джоанна увидела в газете объявление небольшого швейного ателье в Сент-Луисе. Там требовалась помощница, умеющая работать на машинке и чинить женскую одежду. Джоанна это умела.

Она шила с двенадцати лет, сначала помогая матери, а затем выполняя небольшие заказы соседок. Иногда ей доверяли переделывать платья, подшивать юбки и чинить сложные застёжки. Джоанна написала письмо в ателье. Сделала это тайком.

Несколько вечеров она переписывала текст, стараясь, чтобы письмо выглядело достаточно вежливым. Потом отнесла конверт на почту, воспользовавшись тем, что мать отправилась к знакомой.

Ответа не было. Прошёл май. Затем июнь.

Джоанна решила, что её не приняли, и постепенно перестала ждать.

А за три дня до побега, разыскивая в материнском комоде коробку со швейными принадлежностями, она обнаружила конверт. Он был адресован ей.

Внутри лежало письмо из ателье. Джоанну приглашали на работу. Ей предлагали приехать в начале июня, обещали скромное жалованье и помощь с поиском комнаты.

Она перечитала письмо несколько раз. Потом обнаружила ещё один лист. Это была копия ответа, отправленного на фирменном почтовом бланке матери.

В нём Джоанна вежливо отказывалась от предложенного места. Внизу стояло её имя. Подписанное не её рукой. Джоанна долго сидела на полу перед открытым комодом.

Сначала она почувствовала растерянность. Потом обиду. А затем нечто совершенно непривычное — злость, настолько сильную, что у неё начали дрожать руки.

Вечером мать вернулась домой с покупками и обнаружила дочь на кухне.

Письма лежали на столе.

— Ты рылась в моих вещах? — спросила она.

Джоанна попыталась объяснить, что искала нитки.

Мать выслушала её, сняла перчатки и аккуратно положила их на комод.

— Я сделала то, что должна была сделать.

— Но это была моя работа.

— Твоя? — Мать посмотрела на неё с искренним удивлением. — Джоанна, дорогая, ты понятия не имеешь, как устроен мир. Ты не сможешь прожить одна и недели.

— Я могла бы попробовать.

— И где бы ты жила? С кем? Ты представляешь, какие люди встречаются в больших городах?

Джоанна молчала.

— Я спасла тебя от ужасной ошибки. Когда-нибудь ты это поймёшь.

На следующий день мать вела себя так, словно разговора не было. Она попросила дочь выгладить скатерть, отправила за молоком и вечером похвалила за аккуратно зашитый рукав. Джоанна исполняла все поручения. Но ночью достала из шкафа чемодан.

Она складывала вещи медленно, несколько раз меняя решение. Положила два платья, бельё, расчёску, маленькую шкатулку с заколками. Потом вынула половину вещей обратно, испугавшись, что чемодан окажется слишком тяжёлым.

Деньги она хранила в жестяной коробочке из-под печенья. Их было немного. Когда Джоанна пересчитала купюры, ей стало страшно. Она почти решила остаться.

Представила, как утром уберёт чемодан, спустится на кухню и будет делать вид, будто ничего не произошло. Мать сварит кофе, откроет газету и, возможно, даже поцелует её в макушку.

Всё вернётся на свои места. От этой мысли Джоанне стало трудно дышать. Она закрыла чемодан. До рассвета оставалось несколько часов.

Утром, пока мать спала, Джоанна вышла из дома. Не хлопнула дверью. Не оставила записки.

Она просто осторожно повернула ключ в замке, поставила чемодан на крыльцо и некоторое время стояла, прислушиваясь к тишине.

Потом пошла к автобусной станции. На каждом перекрёстке ей казалось, что кто-нибудь окликнет её по имени.

***

К вечеру Джоанна уже жалела, что не продумала побег лучше. Она купила билет до Спрингфилда, потому что на большее не хватило смелости и денег. Всю дорогу сидела у окна, прижимая к коленям сумочку, и старалась не смотреть на других пассажиров.

В автобусе пахло нагретой обивкой, табаком, бензином и чужими духами. Мужчина через проход читал газету, пожилая женщина вязала что-то из серой шерсти, а с заднего сиденья доносился плач младенца. На одной из остановок водитель объявил перерыв.

Пассажиры вышли размять ноги и купить что-нибудь поесть. Джоанна осталась на месте.

Она чувствовала слабость и неприятную пустоту в желудке, но мысль о том, чтобы зайти в незнакомую закусочную и заказать еду, вызывала почти такой же страх, как необходимость разговаривать с чужими людьми. К концу поездки у неё разболелась голова.

Когда автобус остановился в Спрингфилде, Джоанна некоторое время не могла заставить себя подняться. Она смотрела на людей, уверенно выходивших с чемоданами, и вдруг с ужасом поняла, что никто не собирается говорить ей, что делать дальше.

Ей самой предстояло решить, куда идти. Это было первое настоящее последствие её свободы. И оно оказалось совсем не таким приятным, как представлялось дома.

Джоанна вышла на улицу.

Город встретил её шумом автомобилей, запахом горячего асфальта и вечерней духотой. На перекрёстке мигал светофор. У закусочной стояли несколько мужчин в рабочих комбинезонах, а из открытых окон второго этажа доносилась музыка.

Она прошла несколько кварталов, прежде чем поняла, что удаляется от автобусной станции и совершенно не знает дороги назад.

Ноги болели. Чемодан оттягивал руку.

На витрине маленького магазина Джоанна увидела собственное отражение и невольно остановилась.

Платок съехал с головы, длинные почти чёрные волосы растрепались, а лицо казалось ещё бледнее обычного. Большие голубые глаза смотрели из стекла устало и испуганно. Она выглядела не как девушка, начинающая новую жизнь. Скорее как человек, потерявший дорогу домой.

И тогда до неё донеслась музыка. Сначала едва слышная, смешанная с городским шумом. Потом громче. Джоанна повернула голову и увидела над крышами далёкие огни.

На одном из столбов висела большая рекламная афиша.

ЦИРК МОРРОУ. ТОЛЬКО ТРИ ВЕЧЕРА.

Под названием красовались изображения странных людей, которых художник окружил золотыми звёздами и красными лентами.

Джоанна долго смотрела на плакат. Потом вспомнила, что в детстве однажды видела цирковое представление. Мать тогда позволила ей поехать вместе с церковной группой. Джоанне запомнились музыка, запах сахарной ваты и женщина, ходившая по канату высоко под куполом.

Возможно, там требовались работники. Возможно, кто-нибудь согласится взять её хотя бы на несколько дней. Эта мысль показалась настолько разумной, что Джоанна ухватилась за неё с отчаянной надеждой. Она поправила платок, переложила чемодан в другую руку и направилась к огням.

***

К тому времени представление уже закончилось.

Зрители выходили из главного шатра, оживлённо переговариваясь. Кто-то нёс на плечах сонного ребёнка, кто-то доедал попкорн. Возле торговой палатки мужчина в соломенной шляпе спорил с продавцом из-за сдачи. Запах горячей кукурузы стоял такой густой, что Джоанна невольно остановилась.

Она наблюдала, как женщина вынимает початки из кипящей воды, как по жёлтым зёрнам стекает растопленное масло, как покупатели с удовольствием откусывают горячую кукурузу, обжигаясь и смеясь.

Джоанна почувствовала голод. Потом тревогу. Она отвернулась.

За ярмарочной площадью виднелись жилые фургоны. Несколько человек курили возле грузовика. Из одного вагончика доносился женский смех, из другого — громкая ссора.

Джоанна нерешительно подошла к ограждению.

— Простите, — обратилась она к мужчине, который собирал со скамей пустые бутылки. — Вы не подскажете, где можно найти хозяина цирка?

Мужчина обернулся.

На одной его руке было всего три пальца. Остальные отсутствовали с рождения, и он давно привык к тому, что незнакомцы первым делом смотрят именно на эту руку.

Джоанна тоже посмотрела. Затем поспешно отвела глаза, почувствовав стыд.

— Морроу? — переспросил мужчина. — А тебе зачем?

— Я хотела спросить насчёт работы.

Он оглядел её с головы до ног.

— Попробуй за фургонами. Зелёный, с белыми полосами. Если старик в настроении, может, и поговорит.

— Благодарю вас.

— Только не ходи через главный шатёр. Там сейчас разбирают оборудование.

Джоанна кивнула и пошла вдоль ограждения. За шатром начинался совершенно другой мир.

Здесь не было ни праздничной музыки, ни красивых афиш.

Грязная земля была испещрена глубокими колеями. Между фургонами тянулись верёвки с бельём. Под навесом стояли алюминиевые тазы, в одном из которых плавали мыльная пена и окровавленная тряпка. Рядом с кухонным вагончиком валялись пустые консервные банки и ящики из-под овощей.

В воздухе висел запах пережаренного лука, дешёвого кофе, сырой ткани ичеловеческого пота. Из открытого окна доносилась музыка по радио.

Мужчина без рубашки сидел на деревянных ступеньках и перевязывал руку. Рядом с ним стояла женщина с лицом, покрытым рубцами, и что-то раздражённо говорила.

Джоанна постаралась пройти мимо незаметно. Но мужчина поднял голову. Это был Леон Веспер.

— Эй, красавица! Заблудилась?

— Нет, сэр. Я ищу мистера Морроу.

— А-а. — Леон усмехнулся. — Тогда точно заблудилась.

Женщина рядом с ним бросила на Джоанну короткий взгляд.

— Зелёный фургон, — сказала она. — За поворотом.

— Спасибо.

— И не называй его сэром, — добавил Леон. — А то он решит, что ты богатая.

Женщина резко дёрнула повязку на его руке.

— Заткнись, Леон.

Он расхохотался. Джоанна поспешила дальше. Она ещё никогда не бывала в таком месте.

Дома мать не позволяла ей даже заходить в дешёвые придорожные закусочные. Она считала, что приличной девушке следует избегать сомнительных компаний, громкой музыки и людей, которые не умеют следить за собой. Здесь же всё было именно таким, чего мать боялась больше всего.

Грязь, сигаретный дым, громкие голоса, чужие тела, необычные лица, мужчины, которые смотрели прямо на неё, не отводя глаз. Джоанна чувствовала себя так, словно случайно переступила невидимую границу. Но за этой границей, возможно, находилось единственное место, где ей позволят остаться.

Она крепче сжала ручку чемодана.

***

Август Морроу сидел на веранде своего фургона.

Перед ним стоял круглый столик с чашкой кофе, пепельницей и сложенной газетой. На коленях лежала бухгалтерская книга, в которой он подсчитывал вечернюю выручку. Судя по выражению его лица, выручка оказалась удовлетворительной.

Джоанна остановилась у ступенек.

— Простите, сэр.

Морроу не поднял головы. Она подождала.

Из соседнего фургона донёсся стук посуды. Кто-то громко позвал Виолу, но ответа не последовало.

— Простите, — повторила Джоанна немного громче. — Мне сказали, что здесь можно найти мистера Морроу.

— Нашли.

Он перевернул страницу бухгалтерской книги. Джоанна растерялась.

— Я… Я хотела спросить насчёт работы.

— Работы нет.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что она не сразу поняла, что разговор окончен.

— Я умею шить, сэр. И чинить одежду. Если вам нужна помощница в костюмерной, я могла бы…

— У нас есть костюмерша.

— Да, конечно. Но, может быть, ей требуется помощь? Я умею работать на швейной машинке. И могу стирать, гладить, убирать…

— Девочка, ты плохо слышишь?

Морроу наконец посмотрел на неё. В его голосе не было раздражения. Скорее лёгкая усталость человека, которого отвлекли от важного дела.

— Я сказал, что работы нет.

Джоанна почувствовала, как краснеет.

— Простите. Я не хотела вам мешать.

Она отступила от ступенек. Морроу снова занялся цифрами.

Джоанна постояла ещё немного, надеясь, что он передумает, но хозяин цирка больше не обращал на неё внимания.

Пришлось повернуться. Она сделала несколько шагов, стараясь не думать о том, куда пойдёт теперь. Денег на приличную гостиницу не хватало. Она не знала, можно ли переночевать на автобусной станции и разрешат ли ей оставаться там до утра.

— Погоди-ка.

Джоанна остановилась. Морроу закрыл книгу.

— Подойди.

Она вернулась к ступенькам. Теперь он рассматривал её внимательнее.

Его взгляд скользнул по чемодану, дешёвым туфлям, слишком свободному платью и задержался на лице.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать, сэр.

— Выглядишь моложе.

— Мне исполнилось девятнадцать в мае.

— И где же твои родители?

Джоанна опустила глаза. Морроу заметил это. Он многое замечал.

За двадцать с лишним лет ему приходилось иметь дело с беглецами, бродягами, артистами, потерявшими работу, людьми, которых выгнали из дома, и теми, кто предпочёл исчезнуть до появления полиции.

Эта девушка не походила ни на одну из его обычных посетительниц. Слишком аккуратная. Слишком вежливая. Слишком испуганная.

— Я ищу работу, мистер Морроу, — повторила она.

— Это я уже слышал. А я спрашиваю, откуда ты приехала.

Она назвала город.

— Далековато забралась. Родители знают, где ты?

Джоанна помолчала.

— Нет, сэр.

— Поссорились?

— Не совсем.

— Значит, сбежала.

Она подняла голову. Морроу улыбнулся.

— Не переживай, дорогая. Я не собираюсь читать тебе нравоучения. Для этого у тебя, полагаю, уже есть мать.

От неожиданности Джоанна едва заметно улыбнулась. Август увидел это. Он поставил чашку на столик.

— Значит, умеешь шить?

— Да, сэр.

— И сколько хочешь получать?

Джоанна растерялась. Она не знала, сколько обычно платят работникам цирка. Не знала даже, сколько следовало просить.

— Я… Не очень много. Мне нужно только где-нибудь жить. И немного денег на первое время.

— Понятно.

Морроу снова оглядел её. Теперь его интересовало уже не умение девушки обращаться с иголкой.

Платье висело на ней так свободно, что казалось чужим. Запястья были необычайно тонкими, плечи острыми, а на бледном лице выделялись огромные голубые глаза. Она стояла прямо, старательно соблюдая приличную осанку, хотя было заметно, что долго держаться на ногах ей тяжело.

Морроу видел подобную худобу прежде. Он знал, что публика будет смотреть. И знал, что за возможность смотреть многие заплатят.

— Ты всегда была такой худой? — спросил он.

Джоанна мгновенно напряглась.

— Простите?

— Я спрашиваю, всегда ли ты была такой худой.

— Нет… Не знаю, сэр.

— Не знаешь?

— Я… — Она запнулась. — Я болею.

Морроу слегка приподнял брови.

— Чем?

Джоанна почувствовала знакомое желание исчезнуть. Она ненавидела этот вопрос. Ненавидела разговоры о собственном теле, чужие взгляды, замечания, которые люди считали совершенно безобидными.

— Врач говорил, что у меня нервная анорексия, — произнесла она так тихо, что последние слова почти потерялись в гуле генератора.

Морроу некоторое время молчал. Потом кивнул.

— Значит, ты не просто от природы такая.

Джоанна покраснела ещё сильнее.

— Я могу работать, сэр. Правда. Я умею шить, и…

— Я не сомневаюсь, дорогая. Но, как уже говорил, швеи мне не нужны.

Он потянулся за газетой. Джоанна почувствовала, как внутри поднимается отчаяние.

— Я могла бы помогать бесплатно первые несколько дней, — поспешно предложила она. — Пока вы не убедитесь, что я справляюсь. Мне действительно очень нужна работа.

Морроу остановился. Теперь он получил именно то, чего добивался.

— Бесплатно? — переспросил он. — И где же ты собираешься жить эти несколько дней?

— Я думала… Возможно, у вас найдётся место.

— Ты многого хочешь от незнакомого человека.

Джоанна опустила голову.

— Простите.

— Не извиняйся. Я просто пытаюсь понять, почему должен содержать девушку, которая даже не знает, что будет делать завтра.

Он произнёс это почти доброжелательно. Оттого слова прозвучали ещё болезненнее.

Джоанна почувствовала, как к горлу подступает ком. Мать говорила ей почти то же самое.

Только теперь рядом не было знакомой кухни, белых занавесок и стола, за которым можно было сидеть, опустив голову, пока разговор не закончится.

— Я не прошу содержать меня, — сказала Джоанна, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я хочу работать.

Морроу откинулся в кресле.

— Вообще-то, возможно, у меня найдётся для тебя кое-что.

Она подняла глаза.

— В костюмерной?

— Нет.

Он немного помолчал.

— На сцене.

Джоанна не сразу поняла.

— Простите?

— Ты видела наши афиши?

— Да, сэр.

— Значит, представляешь, какие номера мы показываем.

Она кивнула.

— Люди приходят сюда смотреть на необычное, дорогая. На то, чего не встречают каждый день. Некоторые наши артисты обладают удивительными способностями. Другие просто выглядят иначе, чем большинство людей. И то и другое интересует публику.

Джоанна почувствовала неприятный холод.

— Но я ничего не умею.

— Это не совсем так.

Морроу посмотрел на её руки.

— Ты сама по себе довольно необычна.

Она невольно обхватила себя за локоть.

— Из-за того, что я худая?

— Именно.

Некоторое время Джоанна молчала. С ярмарочной площади донёсся детский смех. Где-то хлопнула дверь автомобиля. В воздухе пахло сигарным дымом и горячим маслом, а под навесом фургона кружились мошки, привлечённые светом лампы.

— Я не хочу, чтобы на меня смотрели, — наконец сказала она.

Морроу пожал плечами.

— Тогда, боюсь, мы друг другу не подходим.

Он снова взял газету. Джоанна стояла перед ним, не двигаясь.

Она представила, как выходит за ворота цирка. Как возвращается к автобусной станции. Как садится на скамью с чемоданом и ждёт утра, не зная, куда идти дальше.

Потом представила материнскую кухню. Белую скатерть. Аккуратно расставленные чашки. И голос, который непременно скажет: «Я ведь предупреждала тебя, Джоанна».

Ей стало страшно до тошноты.

— Подождите, пожалуйста.

Морроу поднял глаза.

— Да?

— А если я соглашусь… Мне действительно будет где жить?

— Разумеется.

— И я смогу получать жалованье?

— Небольшое. Но тебе хватит.

— А если я заболею?

Морроу посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Тогда, полагаю, тебе придётся обратиться к врачу. Как и всем остальным.

Он сказал это таким обыкновенным тоном, будто вопрос был совершенно нелепым. Джоанна снова почувствовала стыд.

— Простите.

— Ты слишком часто извиняешься, дорогая.

Она не нашлась что ответить. Август сложил газету.

— Послушай, я не собираюсь тебя уговаривать. У меня достаточно артистов и без тебя. Если хочешь остаться, я могу предложить место. Если нет — никто не держит.

Он говорил совершенно спокойно. Джоанна посмотрела на огни цирка, видневшиеся между фургонами.

Ей хотелось спросить, что именно придётся делать на сцене. Какой костюм носить. Будут ли зрители смеяться. Сможет ли она отказаться, если испугается. Но каждый новый вопрос казался ещё одним поводом для Морроу передумать. Она не могла позволить себе потерять это место.

— Я согласна, — произнесла Джоанна.

Морроу кивнул.

— Вот и прекрасно.

Он открыл бухгалтерскую книгу на чистой странице.

— Имя?

— Джоанна.

— Фамилия?

Она назвала фамилию. Август записал её аккуратным почерком.

— Завтра поговорим о твоём номере. Сегодня отдохнёшь. Виола найдёт тебе место.

Он оторвал небольшой листок бумаги, написал несколько слов и протянул девушке.

— Отнеси моей жене. Она в костюмерной, рядом с главным шатром.

Джоанна взяла записку.

— Спасибо, мистер Морроу.

— Не за что, дорогая.

Она постояла ещё немного, словно ожидая дальнейших указаний.

— Можешь идти, — добавил он.

Джоанна кивнула и поспешно спустилась со ступенек. На этот раз чемодан показался ей немного легче. Она получила работу. У неё будет крыша над головой.

Возможно, завтра ей дадут горячий завтрак, покажут, где можно умыться, и разрешат наконец снять туфли, натёршие ноги до крови.

Джоанна шла между фургонами, крепко прижимая к груди записку Морроу. Она всё ещё боялась. Но впервые за много часов страх смешивался с облегчением.

***

Август дождался, пока девушка скроется за поворотом. Затем снова открыл бухгалтерскую книгу.

В графе, предназначенной для новых работников, он поставил небольшую отметку рядом с её именем.

После этого достал из ящика стола чистый лист бумаги. Несколько минут Морроу сидел неподвижно, обдумывая рекламный заголовок.

Он уже представлял, как художник изобразит новую артистку: огромные голубые глаза, бледное лицо, длинные чёрные волосы, тонкую фигуру, которую при помощи удачного освещения и правильно подобранного костюма можно будет сделать ещё более необычной.

Публика обожала подобные зрелища. Особенно когда ей позволяли подойти достаточно близко.

Морроу взял карандаш и написал несколько слов. Потом зачеркнул их.

Первое название показалось ему недостаточно выразительным. Он попробовал другое.

За фургоном кто-то громко выругался. Раздался женский смех, хлопнула дверь. Из главного шатра донёсся металлический скрежет: рабочие продолжали разбирать оборудование после представления.

Август не обратил на шум внимания.

Он думал о новой афише. О билетах. О том, сколько дополнительных зрителей удастся привлечь, если поставить девушку рядом с Леоном или Эстер.

Наконец он отложил карандаш и довольно улыбнулся. Сделка обещала быть выгодной.

За весь разговор Джоанна ни разу не спросила, сколько именно ей будут платить. И дважды предложила работать бесплатно. Август Морроу особенно ценил людей, которые сами убеждали его, что не заслуживают многого.

Он допил остывший кофе, закрыл бухгалтерскую книгу и поднялся с кресла. Пора было поговорить с Виолой.

А на другой стороне цирка Джоанна остановилась перед костюмерной, разгладила помятый подол платья и постучала в дверь.

Изнутри донёсся раздражённый женский голос:

— Господи, кого ещё принесло? Входите!

Джоанна осторожно повернула ручку. В комнате пахло горячим утюгом, пудрой, старой тканью и сигаретным дымом. Под потолком висели пышные юбки, блестящие корсеты, потёртые мужские фраки и платья, расшитые потускневшими пайетками. На полу стояли коробки с перьями, шляпами и искусственными цветами.

За большим столом сидела женщина с седыми прядями в тёмных волосах.

Она подняла голову.

— Ну?

Джоанна протянула записку.

— Меня прислал мистер Морроу.

Виола взяла бумагу и прочитала.

Потом посмотрела на девушку. Долго. Внимательно.

— Значит, это ты.

Джоанна не поняла, что она имеет в виду.

— Да, мэм.

Виола положила записку на стол, затушила сигарету и поднялась.

— Чемодан поставь у двери. Платье не снимай, я хочу посмотреть, как оно на тебе сидит.

Джоанна послушно опустила чемодан. Она стояла посреди костюмерной, окружённая чужими нарядами, и впервые за весь день ей показалось, что она действительно может остаться здесь.

Глава 2

Виола Морроу трижды обошла Джоанну, прежде чем позволила ей сесть. В костюмерном фургоне было жарко. Небольшой электрический вентилятор, установленный на шкафу, лениво гонял воздух, насыщенный запахами пыли, нагретой ткани и табачного дыма. На столе горела лампа под зелёным абажуром. В её свете иголки, рассыпанные возле швейной машинки, поблёскивали, словно рыбья чешуя.

— Руки подними.

Джоанна послушалась. Сантиметровая лента скользнула под её руками, коснулась спины и легла поверх платья. Виола свела концы ленты, посмотрела на цифры и нахмурилась.

— Господи.

Джоанна опустила глаза.

— Простите...

— За что?

Она не знала, что ответить. Виола снова посмотрела на ленту.

— Я тебе ничего не говорила. Стой спокойно.

Её руки двигались быстро и уверенно. На каждой было по шесть пальцев, но Джоанна заметила это лишь тогда, когда женщина принялась записывать мерки в потрёпанный блокнот. Лишние пальцы ничуть не мешали Виоле обращаться с карандашом. Напротив, в её движениях чувствовалась такая привычная ловкость, что девушка невольно задержала взгляд.

Виола заметила.

— Не видела раньше?

— Что?

— Шесть пальцев.

Джоанна покраснела.

— Простите, мэм. Я не хотела…

— Да перестань ты извиняться. Я с ними пятьдесят четыре года живу, уж как-нибудь привыкла.

Она закрыла блокнот и отложила карандаш.

— Сколько ты весишь?

Джоанна назвала приблизительную цифру. Где-то 40 киллограм. Виола посмотрела на неё с сомнением.

— Давно взвешивалась?

— Не помню.

— Понятно.

Вопросов о её здоровье женщина больше не задавала. Она достала из шкафа длинную хлопчатобумажную сорочку, приложила к плечам Джоанны, прикинула длину и бросила на стол.

— Это пока для сна. Завтра подберём что-нибудь другое.

— Спасибо.

— У тебя своё бельё есть?

— Да, мэм.

— Хорошо. А теперь покажи руки.

Джоанна протянула ладони. Виола осмотрела пальцы, перевернула кисти и задержалась на небольшом рубце возле большого пальца.

— От иголки?

— От машинки. Я тогда только училась.

— На какой работала?

— На «Зингере». Ножной привод.

Виола впервые посмотрела на неё с настоящим интересом.

— Строчку ровно держишь?

— Да. И петли умею обмётывать вручную. Могу подогнать платье по фигуре, заменить подкладку, укоротить рукава…

— С корсетами работала?

— Немного. В основном с обычной одеждой.

— А с пайетками?

— Нет, мэм.

— Научишься.

Джоанна робко улыбнулась.

— Значит, я всё-таки смогу помогать вам с костюмами?

Виола перестала перебирать ткани.

— Август сказал, что берёт тебя на сцену.

— Да, но я подумала…

— Не думай за него. У нас с этим строго.

Она произнесла последнюю фразу без улыбки и отвернулась к шкафу. Джоанна осталась стоять возле стола.

За стеной фургона кто-то прошёл, громко стуча каблуками по деревянному настилу. Послышался мужской смех, затем короткий свист. Откуда-то издалека доносилась музыка, но теперь оркестровый марш сменился медленной песней, которую передавали по радио.

Виола вытащила из ящика моток ниток, положила рядом с машинкой и только тогда заметила, что девушка не двигается.

— Чего стоишь? Садись, пока не свалилась.

Джоанна осторожно опустилась на табурет. Её ноги дрожали от усталости.

— Ты сегодня ела? — спросила Виола.

Вопрос застал её врасплох.

— Да.

— Что?

Джоанна попыталась вспомнить. Утром, перед выходом из дома, она выпила немного чая. На автобусной станции купила стакан воды. В дороге ничего не ела, а вечером слишком боялась тратить деньги.

— Я не очень голодная.

Виола издала короткий звук, в котором не было ни удивления, ни сочувствия.

— Я спросила, что ты ела.

— Чай.

— И всё?

Джоанна промолчала. Женщина сняла с крючка ключи.

— Пойдём.

— Куда?

— На кухню. Если там ещё что-нибудь осталось.

— Вам необязательно…

— Я знаю, что мне необязательно. Вставай.

Джоанна поднялась. Виола погасила лампу, оставив включённой только тусклую лампочку над дверью, и первой вышла наружу.

За время, проведённое в костюмерной, цирк заметно изменился. Последние посетители покинули ярмарочную площадку. Продавцы сворачивали навесы, складывали деревянные ящики и пересчитывали выручку. В главном шатре гасили свет. Один за другим исчезали

жёлтые огоньки над входом, и огромный полосатый купол постепенно превращался в тёмную массу, едва различимую на фоне ночного неба.

Зато за кулисами жизнь только начиналась. Между фургонами горели керосиновые фонари. На складных стульях сидели мужчины с бутылками пива, кто-то играл на гитаре, а возле старого автобуса трое рабочих азартно спорили о бейсболе. Из распахнутой двери одного вагончика доносился женский голос, подпевавший радио.

Пахло табаком, бензином, мокрыми опилками и ужином. Джоанна шла следом за Виолой, стараясь не наступать на разбросанные верёвки.

— У нас подъём в семь, — говорила женщина. — Иногда раньше, если переезжаем. Воду берём из бака возле кухни. Туалеты за грузовиками, там увидишь две деревянные кабинки. Не перепутай с теми, что для публики, иначе Эстер тебе голову оторвёт.

— Хорошо.

— Вещи без спроса не трогай. Особенно у артистов. Некоторые здесь очень чувствительные.

Они миновали фургон, возле которого на верёвке сушились чулки.

— И ещё. Если кто-нибудь предложит тебе выпить, сначала узнай, что именно налито в бутылку.

Джоанна удивлённо посмотрела на неё.

— А что там может быть?

— В нашем цирке? Что угодно.

Виола не стала объяснять.

Кухонный вагончик оказался длинным, обшитым потемневшими досками строением на колёсах. К одной стороне пристроили навес, под которым стояли грубо сколоченные столы. Несколько человек доедали ужин, разговаривая так громко, что Джоанна невольно замедлила шаг.

— Виола! — раздался женский голос. — Скажи своему мужу, что я больше не собираюсь считать деньги за Леона!

За столом сидела Эстер Белл. Без короны и бархатного платья она выглядела совсем иначе, чем на арене. На ней были простая светлая блузка и тёмная юбка. Волосы она убрала под косынку, а перед собой разложила несколько бумажек, исписанных цифрами.

— Сама ему скажи, — ответила Виола.

— Я говорила. Он сделал вид, что оглох.

— Значит, попробуй громче.

— Прекрасная мысль. Завтра начну с крика прямо ему в ухо.

Эстер заметила Джоанну.

— А это кто?

— Новенькая.

— Вижу, что не президент Эйзенхауэр. Имя у неё есть?

— Джоанна, — тихо ответила девушка.

— Эстер. Только не называй меня Маленькой императрицей, если не хочешь испортить наше знакомство.

Джоанна улыбнулась.

— Не буду.

— Вот и договорились.

Эстер снова склонилась над бумагами. Виола прошла к раздаточному столу. Там стояли большие кастрюли, алюминиевые миски и корзина с хлебом, прикрытая полотенцем.

— Мэйбл! — позвала она. — У нас что-нибудь осталось?

Из-за перегородки появилась пожилая женщина с красными от горячей воды руками.

— Фасоль. Немного тушёного мяса. Хлеб.

— Дай ей.

Мэйбл посмотрела на Джоанну, затем на Виолу.

— Это та самая?

— Да.

Женщина больше ничего не спросила. Она достала тарелку, положила на неё хлеб и зачерпнула из кастрюли горячую фасоль с кусочками мяса.

— Садись, милая. Пока не остыло.

Джоанна взяла тарелку обеими руками. Еда пахла луком, перцем и густым мясным бульоном. От поднимающегося пара у неё защипало глаза. Она не помнила, когда в последний раз кто-нибудь просто поставил перед ней ужин, не сопровождая это замечаниями о её теле.

Но вместе с голодом пришла тревога. Джоанна выбрала место на краю скамьи, положила ложку рядом с тарелкой и некоторое время смотрела на еду.

За соседним столом смеялись. Эстер ругалась из-за денег. Виола разговаривала с кухаркой о завтрашнем завтраке. Никто не следил за Джоанной. Никто не спрашивал, почему она не начинает есть. От этого было легче. И одновременно страшнее.

Она взяла ложку. Первый глоток горячего бульона оказался неожиданно приятным. Джоанна почувствовала, как тепло разливается по горлу, и только тогда поняла, насколько сильно замёрзла за последние часы. Она съела немного, медленно, делая паузы.

Затем положила ложку.

— Не понравилось? — спросила Мэйбл, проходя мимо.

— Нет, что вы. Очень вкусно.

— Так ешь.

Джоанна опустила взгляд.

— Я больше не могу.

Мэйбл посмотрела на тарелку, но спорить не стала.

— Ладно. Если позже проголодаешься, приходи. Только не посреди ночи, я тоже человек.

Она забрала пустую кружку с соседнего стола и скрылась за перегородкой. Джоанна осталась сидеть.

Впервые за весь день ей не хотелось немедленно куда-нибудь бежать.

— А вот и наша новая знаменитость.

Голос прозвучал у неё за спиной. Джоанна обернулась.

Возле навеса стоял высокий мужчина в расстёгнутой рубашке. Одну руку он держал в кармане, другая была перевязана свежим бинтом.

Она узнала его.

— Здравствуйте.

— Слышишь, Эстер? — обратился мужчина к соседнему столу. — Мне сказали «здравствуйте». Кажется, у нас появилась воспитанная девушка!

— Наслаждайся, пока она тебя не узнала поближе, — отозвалась Эстер.

Мужчина усмехнулся и сел напротив Джоанны.

— Леон Веспер. Человек, который никогда не испытывает боли и постоянно испытывает финансовые затруднения.

— Джоанна.

— Уже слышал, ага.

— От кого?

— Здесь новости путешествуют быстрее грузовиков.

Он потянулся к хлебной корзине.

— Говорят, Морроу взял тебя на сцену.

Джоанна осторожно кивнула.

— Наверное.

— Наверное? Прекрасное начало карьеры.

— Мы ещё не обсуждали мой номер.

— Тогда готовься к сюрпризу.

Он отломил кусок хлеба и принялся жевать. Джоанна посмотрела на его перевязанную руку.

— Вы поранились?

Леон опустил глаза.

— А, это. Пустяки.

— Вам не больно?

— В том-то и состоит моя профессиональная проблема.

Он сказал это весело, но девушка не улыбнулась.

— А если рана серьёзная?

Леон перестал жевать. Несколько мгновений он смотрел на неё, словно пытаясь понять, шутит она или действительно беспокоится.

— Тогда я узнаю об этом от Иды. Она у нас специалист по тому, чтобы сообщать неприятные новости.

— Ида — это женщина, которая помогала вам?

— Именно. Лицо у неё недружелюбное, зато руки золотые. Особенно когда не пытается задушить меня бинтом.

— Я слышу, Леон, — донеслось откуда-то из темноты.

Он поднял голову.

— Тогда принеси мне ещё хлеба, дорогая!

Ответом стал глухой стук захлопнувшейся двери. Леон довольно улыбнулся.

— Видишь? Обожает меня.

Джоанна всё-таки рассмеялась. Совсем тихо. Леон заметил это и откинулся на спинку скамьи.

— Ну вот. Значит, чувство юмора у тебя имеется. А то я уж испугался.

— Чего?

— Что Август нашёл человека ещё несчастнее всех нас вместе взятых.

Он произнёс это почти беззаботно. Но Джоанна не успела ответить.

— Леон, — раздался за её спиной женский голос. — Оставь девочку в покое.

К столу подошла Рут Харпер. Теперь на ней были свободные брюки и простая белая блузка. Сценический грим она смыла, волосы спрятала под платок. В руках держала кружку кофе.

— Я всего лишь знакомлюсь, — возразил Леон.

— Ты знакомишься так, будто собираешься что-нибудь украсть.

— Несправедливое обвинение.

— Но точное?

Рут села рядом с Джоанной.

— Меня зовут Рут.

— Очень приятно.

— Не верь ни одному слову этого человека.

— Я слышал, — заметил Леон.

— На это и был рассчет, дорогой!

Рут отпила кофе и посмотрела на тарелку Джоанны.

— Мэйбл опять переборщила с перцем?

— Нет. Всё вкусно.

— Тогда хорошо.

Она не стала расспрашивать девушку о еде. Вместо этого поинтересовалась, откуда та приехала, и внимательно выслушала ответ.

— Далеко ты от дома, — сказала Рут.

— Да.

— Родные знают, где ты?

Джоанна покачала головой. Рут некоторое время смотрела на неё.

— Понятно.

В её голосе не было осуждения. Леон допил воду, поднялся и лениво потянулся.

— Ладно, дамы. Если я вам больше не нужен, пойду искать человека, который должен мне три доллара.

— Попробуй начать с зеркала, — посоветовала Эстер.

Леон приложил руку к сердцу.

— Вы меня раните.

— К сожалению, ты не почувствуешь.

Он рассмеялся и ушёл. Рут проводила его взглядом.

— Он не самый плохой человек в этом месте, — сказала она. — Но будь осторожна с тем, что ему рассказываешь.

Джоанна насторожилась.

— Почему?

Рут покрутила кружку в руках.

— Потому что не всё, сказанное за ужином, должно становиться известно хозяину.

Она произнесла это негромко.

Джоанна посмотрела в сторону зелёного фургона Морроу.

— Он кажется добрым.

Рут ничего не ответила сразу.

— Август умеет производить хорошее впечатление.

— Он дал мне работу.

— Я знаю.

— И разрешил остаться, хотя я пришла совсем без предупреждения.

Рут поставила кружку на стол.

— Тогда надеюсь, что тебе здесь будет хорошо.

Она сказала это искренне, но без уверенности. Джоанна почувствовала, что разговор стал каким-то неловким.

— Спасибо.

Рут слегка коснулась её плеча.

— Если ночью что-нибудь понадобится, мой фургон третий от кухни. С синей дверью.

— Хорошо.

— И постарайся выспаться.

Она поднялась и ушла к жилым фургонам. Джоанна ещё долго смотрела ей вслед.

Спать её определили в старом автобусе. Когда Виола сообщила об этом, Джоанна сначала решила, что ослышалась.

— В автобусе?

— А что тебя удивляет? У нас не гостиница.

— Нет, конечно. Я просто…

— Там есть кровать. И крыша не течёт, если дождь не косой.

Виола взяла фонарь и повела её через стоянку. Автобус стоял возле двух грузовиков, немного в стороне от остальных фургонов. Когда-то он был ярко-красным, но краска выцвела, а вдоль нижнего края проступила ржавчина. На лобовом стекле сохранилась старая наклейка

с названием транспортной компании. Внутри пахло пылью, машинным маслом и сухой древесиной.

Большую часть сидений давно сняли. Вместо них вдоль стен установили деревянные стеллажи, заставленные коробками с реквизитом. Под потолком висели свёрнутые канаты, а возле задней двери стояли три раскладушки.

Одна была завалена тканями. На другой лежали старые афиши. Третья оказалась свободной.

— Здесь пока поживёшь, — сказала Виола. — Завтра посмотрим, куда тебя переселить.

Джоанна поставила чемодан возле кровати.

— Спасибо.

Виола повесила фонарь на крючок.

— Одеяло в ящике. Подушка там же. Если станет холодно, возьми второе.

Джоанна кивнула.

— Дверь закрывается изнутри?

— Да. Только не запирай на засов. Утром рабочим может понадобиться реквизит.

— Хорошо.

Виола направилась к выходу, но остановилась.

— И ещё, Джоанна.

— Да?

— Если ночью услышишь, как кто-нибудь ходит вокруг автобуса, не пугайся. Здесь постоянно кто-то шатается.

Девушка попыталась улыбнуться.

— Хорошо.

— А если это будет Леон, можешь бросить в него ботинок.

С этими словами Виола вышла. Джоанна осталась одна.

Она осторожно села на раскладушку.

Металлические пружины жалобно скрипнули, но выдержали её вес. Матрас оказался тонким, одеяло пахло старым мылом и пылью. В автобусе было душно, хотя через приоткрытое окно проникал ночной воздух. Джоанна расстегнула чемодан.

Достала ночную сорочку, расчёску и маленькое полотенце. Аккуратно сложила платье, которое носила весь день, и поставила туфли под кровать. Затем села, обхватив колени руками.

Теперь, когда вокруг стало тихо, она наконец смогла осознать случившееся. Она действительно ушла из дома. Мать проснётся утром и обнаружит пустую комнату. Сначала, вероятно, рассердится. Потом начнёт звонить знакомым. Возможно, обратится в полицию. Джоанна попыталась представить, что скажет ей при встрече.

*«Я больше не хочу жить с тобой».*Эти слова казались простыми. Но произнести их вслух она не смогла бы даже сейчас, находясь за много миль от дома.

Она легла на спину и посмотрела в потолок. Над ней висели старые верёвки и деревянная рама, обмотанная брезентом. Где-то за стеной автобуса скрипели колёса тележки. Издалека доносились голоса.

Джоанна вспомнила ужин. Рут. Эстер. Леона с его нелепыми шутками. Виолу, которая ворчала на неё, но всё-таки нашла еду и место для сна. Впервые за долгое время рядом оказались люди, которые ничего о ней не знали. Они не помнили её детских ошибок. Не знали, сколько раз она плакала после разговоров с матерью. Не видели её обмороков и не слышали замечаний за обеденным столом.

Здесь она могла быть кем угодно. Эта мысль принесла почти болезненное облегчение. Джоанна повернулась на бок, натянула одеяло до плеч и закрыла глаза. Но уснуть не смогла.

Около полуночи возле автобуса послышались шаги. Джоанна открыла глаза. Кто-то остановился у передней двери.

Затем раздался негромкий стук. Она замерла.

— Эй.

Голос был мужским. Джоанна села.

— Кто там?

— А ты кого ждёшь?

Она не узнала голос.

— Никого.

За дверью коротко рассмеялись.

— Тогда открой.

Джоанна посмотрела на ручку. Виола сказала не запирать дверь на засов. Но теперь девушка пожалела, что послушалась.

— Простите, я уже легла.

— И что?

Она молчала. Мужчина постучал снова, на этот раз сильнее.

— Слышишь меня?

Джоанна почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

— Да.

— Тогда открой.

Она медленно поднялась с кровати. Пол под босыми ногами был холодным. До двери оставалось несколько шагов, когда снаружи раздался другой голос.

— Ты совсем охренел?

Первый мужчина что-то пробормотал.

— Я просто хотел…

— Мне плевать, чего ты хотел. Отойди от двери.

Наступила пауза. Джоанна стояла неподвижно.

— Да ладно тебе, Зейн, — произнёс первый голос. — Я же ничего…

— Ты плохо слышишь?

В этих словах не было крика. Но за дверью послышались быстрые шаги. Кто-то выругался. Затем всё стихло. Джоанна не знала, что делать. Она вернулась к раскладушке, села и попыталась успокоить дыхание.

Несколько секунд спустя за окном вспыхнул огонёк сигареты. Мужчина, оставшийся снаружи, стоял совсем близко. Джоанна видела только его силуэт. Высокий. Широкоплечий. Тёмные волосы. Он сделал затяжку и посмотрел в сторону автобуса.

— Можешь перестать дрожать, — произнёс он.

Джоанна не ответила.

— Он ушёл.

— Спасибо, — сказала она наконец.

Мужчина усмехнулся.

— Не за что.

Она ожидала, что он тоже уйдёт. Но тот остался стоять возле окна. Сигаретный дым медленно поднимался в тёплый ночной воздух.

— Ты новенькая? — спросил он.

— Да.

— Как зовут?

— Джоанна.

— Джоанна, — повторил мужчина, словно пробуя имя на вкус. — И что ты здесь делаешь?

— Работаю.

— Уже?

— С завтрашнего дня.

Он снова затянулся.

— Быстро же Август тебя обработал.

Джоанна нахмурилась.

— Что?

— Ничего.

Ей не понравился его тон.

— Мистер Морроу был очень добр ко мне.

Мужчина негромко рассмеялся.

— Конечно.

Джоанна сжала край одеяла.

— Он дал мне работу и место для сна.

— Вижу, такое роскошное место.

Она посмотрела на стеллажи с реквизитом.

— Мне здесь вполне удобно.

— Тогда поздравляю.

Он говорил так, будто всё происходящее его забавляло. Джоанна не знала, что ответить. В темноте она не могла хорошо разглядеть его лицо, но чувствовала на себе внимательный взгляд.

— А ты хоть понимаешь, куда попала? — спросил мужчина.

— В цирк.

— Ну это понятно.

— Тогда я не понимаю вашего вопроса.

На этот раз он засмеялся громче.

— Надо же. А голос у тебя всё-таки есть.

Джоанна покраснела, хотя мужчина едва ли мог это увидеть.

— Я не хотела грубить.

— А зря.

Он отбросил сигарету и раздавил её каблуком.

— Здесь иногда полезно.

Мужчина отошёл от окна. Джоанна услышала, как его шаги удаляются по сухой земле. Только тогда она вспомнила имя, которое произнёс первый незнакомец.

Зейн. Человек с двумя душами. Она видела его на афише возле дороги.

На рисунке художник изобразил его окружённым пламенем, с запрокинутой головой и совершенно белыми глазами. В действительности он выглядел иначе. Обычный мужчина. Немного грубый. Неприятно насмешливый.

Джоанна легла обратно, но ещё долго прислушивалась к ночным звукам. Она была благодарна ему за то, что он прогнал незнакомца. И одновременно надеялась, что больше не встретит его в темноте.

Зейн вернулся к своему фургону около половины первого. Внутри горела лампа.

На столе стояла недопитая бутылка виски, рядом лежали сигареты и раскрытая книга, которую он не читал уже несколько дней. Он закрыл дверь ногой, снял рубашку и бросил её на спинку стула.

Из маленького зеркала над умывальником на него смотрело собственное отражение. Зейн подошёл ближе. Несколько секунд он разглядывал своё лицо.

Затем открыл кран и умылся холодной водой.

— Тебе понравилась девочка?

Голос прозвучал негромко. Не из зеркала. Не из-за спины. Он возник там, где не должно было быть никакого другого голоса.

Зейн вытер лицо полотенцем.

— Заткнись.

— Я всего лишь спросил.

— А я всего лишь ответил.

Он взял бутылку и налил виски в стакан. Голос засмеялся.

Зейн сделал большой глоток. Пять лет назад он сам согласился на это.

Тогда ему казалось, что он наконец получает всё, чего заслуживает. Силу. Восхищение. Возможность заставить других людей смотреть на него так, как прежде он смотрел на тех, кому завидовал.

Его предупредили о цене. Он выслушал предупреждение. И согласился.

Теперь некоторые ночи проходили тихо. В другие он часами сидел без сна, пытаясь понять, какие мысли принадлежат ему самому.

Сегодняшняя ночь обещала быть долгой.

— Она боится, — произнёс голос.

Зейн поставил стакан на стол.

— Все чего-нибудь боятся.

— Но эта особенно.

— И что?

— Ты видел, как она смотрела на дверь?

Зейн ничего не ответил. Он действительно видел.

Девушка стояла в глубине автобуса, бледная, испуганная, прижимая к себе одеяло. Она едва не открыла дверь незнакомому мужчине, хотя тот уже начал вести себя угрожающе. Такие люди всегда привлекали внимание. Не потому, что были интереснее остальных. Потому, что слишком поздно понимали, когда следует сказать «нет».

Зейн снова взял стакан.

— Она не моя проблема.

Голос довольно умолк. Зейн выключил лампу. В зелёном фургоне Август Морроу всё ещё не спал.

Он сидел за столом, разглядывая несколько набросков новой афиши. Художник должен был приехать завтра утром, и хозяин цирка хотел заранее определиться с названием.

Виола вошла без стука.

— Я устроила девочку в автобусе.

— Прекрасно.

— Она больна, Август.

Морроу не поднял головы.

— Я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. Она едва на ногах держится.

— Значит, не будем заставлять её стоять слишком долго.

Виола подошла к столу.

— Ты собираешься показывать её публике?

— Именно поэтому я её и нанял.

— А если она потеряет сознание посреди номера?

Август отложил карандаш.

— Тогда публика получит ещё более впечатляющее зрелище.

Виола посмотрела на мужа. Они были женаты двадцать семь лет. За это время она успела узнать, что его самые жестокие замечания обычно произносились совершенно спокойным голосом.

— Ей нужен врач, — сказала она.

— Ты можешь вызвать врача, если считаешь необходимым. Но сначала выясни, сколько это будет стоить.

— Ты слышал, что я сказала?

— Прекрасно слышал.

Он снова взял карандаш. Виола помолчала.

— Она умеет шить.

— Очень рад.

— Я проверила. Девочка работала на машинке, умеет подгонять одежду. Она могла бы помогать мне.

— И сколько зрителей придут посмотреть, как она подшивает юбки?

Виола не ответила. Август поднял на неё глаза.

— Вот именно.

Он повернул к жене лист бумаги.

На нём крупными буквами было написано название будущего номера. Виола прочитала. Её лицо осталось неподвижным.

— Это отвратительно.

— Это продаётся.

— Ты даже не спросил, согласна ли она на такое имя.

— Девочка согласилась работать у меня.

— Она не понимает, на что согласилась.

Август вздохнул.

— Виола, дорогая, давай не будем притворяться, будто ты впервые сталкиваешься с устройством нашего предприятия.

Женщина медленно положила лист обратно на стол. Она могла бы продолжить спор. Могла бы потребовать, чтобы муж оставил девушку в покое. Но знала, чем закончится разговор. Август просто перестанет её слушать.

Виола достала сигарету.

— Завтра я дам ей нормальную одежду.

— Разумеется.

— И пусть хотя бы несколько дней придёт в себя.

— Посмотрим.

Это слово она ненавидела. Обычно оно означало отказ, произнесённый достаточно вежливо, чтобы не пришлось спорить. Виола прикурила и вышла. Август проводил её взглядом. Затем вернулся к наброскам. В углу фургона, куда не доставал свет настольной лампы, лежала его тень. Морроу сидел неподвижно. Тень медленно подняла голову. Он не обратил на неё внимания.

Джоанна проснулась от того, что кто-то плакал.

Сначала ей показалось, что звук доносится из сна. Она открыла глаза. В автобусе было темно. Через окно проникал бледный свет луны, освещая края деревянных ящиков и свисающие с потолка канаты. Плач повторился. Тихий. Сдавленный. Джоанна приподнялась на локте.

— Кто здесь?

Ответа не последовало. Она прислушалась.

Теперь звук доносился будто бы из дальнего конца автобуса, за стеллажами с реквизитом. Джоанна спустила ноги с кровати. Холодный пол заставил её вздрогнуть.

— Вам плохо? — спросила она.

Тишина.

Затем раздался короткий всхлип. Джоанна нащупала фонарь, оставленный Виолой, и зажгла его.

Жёлтый свет выхватил из темноты старые чемоданы, деревянную раму, несколько рулонов ткани и коробку с искусственными цветами.

За стеллажами никого не было. Она постояла некоторое время, прислушиваясь. Снаружи стрекотали сверчки. Где-то далеко хлопнула дверь фургона. Джоанна уже собиралась вернуться в постель, когда заметила на полу небольшую жестяную коробку.

Крышка была приоткрыта. Внутри лежали старые фотографии. На верхней была изображена молодая женщина в цирковом костюме. Она сидела на деревянном стуле, держа на коленях маленького ребёнка. Оба смотрели прямо в объектив. Джоанна осторожно взяла фотографию.

На обороте выцветшими чернилами было написано:

«Миссури, 1938».

Ниже стояли два имени. Первое она смогла разобрать. Второе почти стёрлось. Вдруг за её спиной кто-то тихо произнёс:

— Положи.

Джоанна резко обернулась. У входа в автобус стояла женщина. Высокая, в тёмном халате, с распущенными волосами. Лунный свет падал на её лицо, делая его почти бесцветным.

Джоанна узнала Мириам Вейл.

— Простите, — поспешно сказала она. — Я услышала плач и подумала…

Мириам посмотрела на фотографию в её руках.

— Положи её обратно.

Джоанна немедленно послушалась.

— Я ничего не хотела брать.

Женщина подошла ближе. Её лицо было усталым.

— Знаю.

Она закрыла коробку и подняла её с пола. Джоанна заметила, что руки Мириам дрожат.

— Вам нужна помощь?

Мириам посмотрела на неё. Некоторое время она молчала.

— Нет.

Она направилась к двери. Уже на пороге остановилась.

— Ты новая девушка Августа?

Джоанна смутилась.

— Он взял меня на работу.

Мириам медленно кивнула.

— Тогда тебе лучше спать.

— Я слышала, как кто-то плакал.

Женщина отвернулась.

— Здесь часто плачут.

Она вышла. Джоанна осталась стоять посреди автобуса с фонарём в руке. Ей хотелось окликнуть Мириам. Спросить, кто был на фотографии. Узнать, почему женщина пришла сюда среди ночи. Но за дверью уже не слышалось шагов.

Джоанна вернулась к раскладушке, поставила фонарь на пол и легла. Теперь автобус казался другим. Старые коробки, канаты и деревянные рамы перестали выглядеть просто забытым реквизитом. За каждым предметом могла скрываться чужая история, которую никто не собирался рассказывать первой встречной.

Она долго смотрела в темноту. Потом натянула одеяло до подбородка. На этот раз уснуть удалось лишь под утро.

В семь часов Виола распахнула дверь автобуса.

— Подъём, Джоанна!

Девушка вздрогнула и села. За окнами уже светило солнце. На стоянке гремели вёдра, перекликались рабочие, а возле кухни кто-то ругался из-за пропавшего кофе.

— У тебя десять минут, — сообщила Виола. — Умойся и приходи в костюмерную.

— Хорошо.

— И надень что-нибудь приличное. Август хочет тебя видеть.

Джоанна окончательно проснулась.

— Сейчас?

— После завтрака.

Виола уже собиралась уходить, но обернулась.

— Да, и ещё. Сегодня приедет художник.

— Какой художник?

— Тот, который рисует афиши.

Джоанна посмотрела на неё с недоумением. Виола помедлила.

— Он будет рисовать тебя.

Женщина закрыла дверь. Джоанна осталась сидеть на раскладушке. За стеной автобуса начинался новый день. Кто-то смеялся. Кто-то звал Мэйбл.

Генератор кашлянул и заработал, наполняя стоянку знакомым гулом. Джоанна медленно поднялась и подошла к маленькому зеркалу, висевшему возле двери.

В отражении она увидела бледное лицо, спутанные чёрные волосы и голубые глаза, потемневшие от недосыпания. Она попыталась представить себя на огромном плакате возле дороги. Не смогла.

И всё же, вспомнив о том, что сегодня ей предстоит работать, девушка ощутила знакомое желание сделать всё правильно. Она пригладила волосы. Поправила воротник.

А затем, прежде чем выйти из автобуса, невольно оглянулась на дальние стеллажи.

Жестяной коробки там больше не было.

Глава 3

«У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ СЕКРЕТ. МЫ ПОКАЖЕМ ВАМ ТОТ, КОТОРЫЙ ОН ПРЯЧЕТ ОТ САМОГО СЕБЯ».

MORROWS GRAND TRAVELING SHOW. Только три вечера в вашем городе. Детям до двенадцати лет вход в сопровождении взрослых.

К девяти утра солнце успело нагреть металлические крыши фургонов так сильно, что в них невозможно было находиться с закрытыми окнами. Цирковой лагерь просыпался нехотя, словно после вчерашнего представления каждый его обитатель получил право на несколько лишних часов сна, но никто не собирался этим правом пользоваться.

За главным шатром мужчины натягивали провисшие канаты. От конюшен доносились раздражённое ржание и стук копыт по деревянному настилу. Возле походной кухни женщина в грязном переднике выливала помои в канаву, над которой уже кружили мухи. На верёвках между фургонами сушились чулки, рубашки и выцветшие сценические костюмы, ещё недавно казавшиеся под светом прожекторов роскошными.

Джоанна сидела на нижней ступеньке жилого вагончика и пыталась привести в порядок туфли.

За ночь на них засохла грязь. Она осторожно счищала её краем носового платка, стараясь не повредить кожу, хотя давно понимала, что прежний блеск уже не вернуть. Коричневый чемодан стоял у её ног.

Вчера вечером она собиралась распаковать вещи, но так и не решилась. Ей отвели узкую койку за занавеской в общем вагончике, показали умывальник с холодной водой и предупредили, что завтрак начинается в половине восьмого. Всё это напоминало временную остановку, после которой можно будет вернуться домой, хотя именно возвращения она боялась больше всего.

В кармане платья лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Отказ от работы.

Она прочитала его столько раз, что знала наизусть каждую строчку. Её мать сумела вмешаться даже туда, где Джоанна рассчитывала впервые принять решение самостоятельно.

Теперь у неё не было ни работы, ни денег на обратную дорогу, ни желания объяснять кому-либо, почему девятнадцатилетняя девушка предпочла грязный цирк собственному дому.

— Если продолжишь так тереть, останешься без туфель.

Джоанна подняла голову. На соседней ступеньке стояла Виола Морроу. На ней был выцветший шёлковый халат, поверх которого она накинула мужской кардиган. Волосы были собраны в небрежный узел, а на лице ещё оставались следы вчерашнего грима: тёмная полоска у ресниц и плохо смытая помада в уголке рта.

Без сценического освещения Виола выглядела старше, чем накануне. Возле губ обозначились глубокие складки, а кожа на шее потеряла прежнюю гладкость. Однако держалась она с той уверенностью, которая не зависит от возраста или одежды.

В одной руке женщина несла жестяную кружку, другой придерживала сигарету. Шесть длинных пальцев с пожелтевшими ногтями охватывали её совершенно естественно.

— Они испачкались, — ответила Джоанна.

— Здесь всё пачкается. Обувь, бельё, репутация. Последнюю особенно трудно отстирать.

Виола спустилась и присела рядом, не заботясь о том, что ступенька была покрыта пылью.

— Спала?

— Немного.

— Крысы мешали?

Джоанна резко повернулась.

— Здесь есть крысы?

— Конечно. Но можешь не волноваться, они предпочитают кухню. У нас там гораздо интереснее, чем в женском вагончике.

Увидев выражение её лица, Виола рассмеялась.

— Господи, девочка, не делай такие глаза. Я пошутила.

— Это не очень смешно...

— Зато теперь ты окончательно проснулась.

Она затянулась и некоторое время смотрела, как двое мужчин катят к главному шатру тяжёлую деревянную клетку.

— Август велел привести тебя к нему после завтрака. Хочет обсудить номер.

Джоанна опустила платок.

— Я думала, сначала меня научат чему-нибудь.

— Чему, например?

— Не знаю. Работать с реквизитом. Может быть, помогать с костюмами или билетами. Я умею шить, немного печатаю на машинке. В школе занималась танцами.

— Танцами?

— Давно.

Виола повернулась к ней.

— Ты вчера сказала Августу, что согласна выступать.

— Он сказал, что других мест нет.

— И ты поверила?

Джоанна не ответила. Виола стряхнула пепел на землю.

— Послушай меня внимательно. Мой муж редко врёт напрямую. В этом нет необходимости. Он умеет поставить человека в такое положение, когда тот сам произнесёт нужные слова. А потом будет уверен, что сделал выбор добровольно.

— Но он дал мне работу.

— Дал, — согласилась Виола. — Вопрос в том, что собирается получить взамен.

Джоанна почувствовала неприятную тяжесть под рёбрами.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

— Я хочу, чтобы ты понимала, куда приехала.

— Вы ведь тоже здесь живёте.

— Я здесь живу двадцать семь лет, дорогая. Это совсем другая история.

Виола допила кофе и поднялась.

— Идём. Если опоздаем к завтраку, Рут отдаст наш хлеб собакам. Она уверяет, что это случайность, но я знаю эту женщину слишком давно.

Джоанна взяла чемодан.

— Оставь его, — сказала Виола.

— А если пропадёт?

— Тогда мы выясним, кто у нас настолько отчаялся, что решил украсть чемодан с тремя платьями.

— Там четыре.

— Тем более. Ты богачка у нас.

Виола протянула ей руку. Джоанна заметила лишний палец, но заставила себя не задерживать на нём взгляд.

Женщина заметила это усилие.

— Можешь смотреть, — спокойно сказала она. — Мне пятьдесят четыре года, и я давно пережила возраст, когда чужое любопытство способно испортить мне утро. Только не спрашивай, как я надеваю перчатки. Эту шутку я слышала уже несколько тысяч раз.

Столовая размещалась под длинным брезентовым навесом возле кухни. За двумя составленными столами сидели артисты, рабочие и музыканты. Кто-то ел молча, кто-то спорил из-за

вчерашней выручки, а мужчина с густыми усами пытался починить карманные часы, разложив детали прямо возле тарелки.

Воздух пах пережаренным кофе, беконом, влажной древесиной и кукурузой, которую уже начали готовить для дневной продажи.

Джоанна остановилась возле свободного места.

На столе стояли миски с овсяной кашей, тарелка с хлебом и жестянка сливового варенья. Её желудок болезненно сжался от запаха горячей еды.

Она не помнила, когда в последний раз завтракала вместе с другими людьми, не ожидая замечания о том, сколько положила себе на тарелку.

Дома мать следила за её питанием с настойчивостью, которую называла заботой. Она могла похвалить дочь за отказ от десерта, а вечером пожаловаться, что та совсем перестала есть. Джоанна давно научилась угадывать настроение матери по тому, как она ставила чашку на стол.

Здесь никто на неё не смотрел. По крайней мере, сначала.

— Новенькая! — окликнула Рут Харпер, полная женщина с крепкими руками и красным лицом. — Садись, пока не остыло.

Джоанна присела на край скамьи. Рут поставила перед ней миску.

— Тебе с молоком?

— Нет, спасибо.

— Сахар?

— Тоже нет.

— Как знаешь.

Рут ушла к плите.

Джоанна взяла ложку, но не смогла заставить себя начать.

Напротив сидела Ида Кин. Повреждённая огнём кожа стягивала левую сторону её лица, из-за чего уголок рта оставался чуть приподнятым. Она ела неторопливо, держа книгу раскрытой возле тарелки. Джоанна старалась не смотреть на шрамы.

— Ты можешь перестать делать вид, что не замечаешь моего лица, — произнесла Ида, не отрываясь от страницы.

Джоанна вздрогнула.

— Простите.

— За что именно?

— Я не хотела вас обидеть.

Ида закрыла книгу пальцем, отмечая страницу.

— Тогда не обижай. Не надо сидеть напротив меня с таким видом, будто я умру от одного неосторожного взгляда.

Джоанна покраснела.

— Мне просто неудобно.

— А мне удобно, — ответила Ида. — Особенно когда люди разговаривают со мной, а не с моей кожей.

Она вернулась к чтению. Через несколько минут Джоанна осторожно спросила:

— Что вы читаете?

Ида подняла глаза.

— «Джейн Эйр».

— Я читала.

— И как?

— Мне нравилась Джейн. Но я всегда думала, что она слишком многое простила мистеру Рочестеру.

Ида медленно закрыла книгу.

— Вот как?

— Он скрывал от неё правду. И всё время рассчитывал, что она примет его условия, потому что любит.

— А ты бы не приняла?

Джоанна задумалась.

— Не знаю. Наверное, раньше сказала бы, что нет. Но я никогда не была на её месте.

Ида некоторое время рассматривала девушку.

— Разумный ответ. Гораздо разумнее, чем рассуждать о принципах, когда тебе есть куда возвращаться.

Она подвинула к Джоанне тарелку с хлебом.

— Возьми кусок.

— Спасибо, я не хочу.

Ида посмотрела на почти нетронутую кашу, но не стала настаивать.

— Тогда хотя бы не позволяй Рут уносить тарелку раньше времени. Она считает, что человек, который не доел завтрак, лично оскорбил её мать.

Джоанна улыбнулась. Впервые с момента приезда ей стало немного легче.

Именно тогда под навес вошёл Зейн.

Он появился со стороны мастерских, в расстёгнутой у горла чёрной рубашке и потёртых брюках. Волосы были ещё влажными, словно он только что умылся, но на руках оставались тёмные следы машинного масла. Из-под закатанных рукавов виднелись татуировки.

Он шёл с сигаретой в зубах, не обращая внимания на людей, которым приходилось подвинуться, чтобы пропустить его.

— Убери это, — сказала Рут, едва он подошёл к столу.

Зейн вынул сигарету.

— И тебе доброе утро.

— Я сказала, убери.

— А я услышал с первого раза.

Он затушил её о край металлической банки и сел напротив Джоанны.

— Кто съел мой хлеб?

— Твой хлеб? — переспросила Рут.

— Тот, который я оставил вчера.

— Я отдала его Финну.

— Отлично. В следующий раз отдай ему и мои ботинки, может даже половину гардероба.

— Если оставишь их возле кухни, непременно.

Несколько человек засмеялись. Зейн взял чистую кружку, налил кофе и только после этого посмотрел на Джоанну.

— А ты всё ещё здесь?

Она почувствовала, как напряглись плечи.

— Да.

— Странно. Обычно такие, как ты, уезжают после первой ночи.

— Какие такие?

Он окинул взглядом её аккуратно застёгнутое платье, чистый воротничок и туфли, которые она безуспешно пыталась привести в порядок.

— Те, кто думает, что цирк — это музыка и красивые огоньки.

Джоанна опустила ложку.

— Я так не думаю.

— Конечно. Ты ведь уже целые сутки здесь живёшь.

Ида захлопнула книгу.

— Зейн, оставь девочку в покое.

— Я с ней просто разговариваю.

— У тебя отвратительная манера речи.

— А у тебя привычка вмешиваться.

Ида посмотрела на него так, что Джоанна ожидала новой ссоры, но женщина лишь забрала свою книгу и поднялась.

— Когда-нибудь, Зейн, ты встретишь человека, которому будет совершенно наплевать на твои выходки. Надеюсь, доживу до этого дня.

— Постарайся, хотя думаю нам всем осталось недолго, — ответил он.

Джоанна смотрела вслед Иде, пока та не скрылась за навесом.

— Вам обязательно было так с ней разговаривать?

Зейн медленно повернул голову.

— Что?

Она уже пожалела, что открыла рот, но отступать было поздно.

— Она ничего плохого вам не сказала.

— И что?

— Вы могли ответить нормально.

Он поставил кружку.

— Послушай, принцесса. Я не просил тебя объяснять мне, как следует себя вести. Если тебе нужен мужчина с хорошими манерами, ищи его на воскресной службе. Здесь таких не держат.

— Я не искала мужчину.

— Тогда тем более не понимаю, что ты ко мне пристала.

Джоанна почувствовала, как горят щёки. Ей хотелось встать и уйти, но это выглядело бы так, словно он сумел её прогнать.

— Я просто сказала, что вы были грубы.

— А я просто сказал, что мне плевать и на тебя и на нее.

Он снова взял кружку и отвернулся. Разговор закончился не потому, что Джоанне больше нечего было сказать. Она поняла, что Зейн просто не собирается её слушать.

Кабинет Августа Морроу находился в самом большом жилом фургоне.

Снаружи тот выглядел почти прилично: тёмно-зелёная краска, аккуратные оконные рамы, латунная табличка возле двери. Внутри пахло дорогим табаком, мебельной политурой и одеколоном. На стенах висели старые афиши, фотографии артистов и газетные вырезки.

За письменным столом стоял электрический вентилятор. Его лопасти лениво разгоняли тёплый воздух, от которого бумаги на столе едва заметно шевелились.

Август Морроу сидел в кресле, держа в руке авторучку.

Он был одет в светлую рубашку с подтяжками. Седые волосы тщательно зачёсаны назад, на пальце поблёскивал тяжёлый перстень.

— Мисс Джоанна? Проходите.

Она вошла.

— Доброе утро, мистер Морроу.

— Надеюсь, вы хорошо устроились?

— Да, спасибо.

— Прекрасно. Виола говорила, что вам предоставили место в женском вагончике. Разумеется, это не пятизвёздочный отель, но мы стараемся обеспечить нашим артистам всё необходимое.

Он улыбнулся. Джоанна села на предложенный стул.

— Я хотела спросить, чем именно буду заниматься.

— Разумный вопрос.

Морроу открыл папку. Внутри лежали несколько листов, фотография и набросок афиши.

— Вчера я долго думал о вас, Джоанна. О том, как необычно сложилась наша встреча. Молодая девушка, воспитанная в хорошем доме, оказывается одна посреди страны и просит принять её в бродячий цирк. Согласитесь, в этом есть что-то трогательное.

— Я не совсем одна. Просто...

Она запнулась. Морроу терпеливо ждал.

— Я не могу сейчас вернуться домой.

— Разумеется. Вы уже говорили.

Он закрыл папку.

— Но меня интересует другое. Вы ведь понимаете, что наши зрители приходят не просто смотреть на ловкость или красивые костюмы?

— Да.

— Они хотят увидеть нечто необычное. То, чего не встретят на улице, в магазине или за соседним столом. Человеческая природа устроена весьма любопытно: люди платят за возможность рассматривать тех, кого в обычной жизни предпочитают не замечать.

Джоанна молчала.

— Наш цирк даёт им такую возможность, — продолжил Морроу. — А артистам предоставляет крышу над головой, заработок и место, где их особенности становятся достоинствами.

Он развернул к ней лист. На бумаге был изображён женский силуэт в длинном платье. Художник намеренно подчеркнул узкую талию, тонкие запястья и выступающие ключицы.

Вверху красными буквами значилось:

«ЖИВАЯ ФАРФОРОВАЯ ДЕВУШКА»

Ниже:

«Невероятное создание, столь хрупкое, что кажется сотканным из воздуха. Убедитесь собственными глазами!»

Джоанна долго смотрела на рисунок.

— Это... я?

— Пока только предварительный эскиз.

— Почему фарфоровая?

Морроу откинулся в кресле.

— Потому что вы обладаете необычной внешностью, дорогая. Очень тонкое сложение, бледная кожа, большие глаза. Художник сумел это передать.

Джоанна почувствовала знакомый холод в животе. Её мать любила рассматривать её перед зеркалом, поправлять платье, касаться талии и говорить, что девушке необходимо следить за собой, если она хочет чего-нибудь добиться.

Теперь совершенно чужой мужчина разглядывал её тело с тем же деловым вниманием.

— Но я ведь ничего не умею делать на сцене.

— И не нужно. Мы подготовим небольшую композицию. Свет, музыка, несколько слов ведущего. Вы выйдете на сцену, пройдёте по подиуму, возможно, исполните несколько простых движений. Виола поможет с костюмом.

— То есть люди будут просто смотреть на меня?

— Они будут восхищаться вами.

— Но чем?

Морроу улыбнулся.

— Тем, что вы отличаетесь от них.

Джоанна перевела взгляд на афишу.

— Я не хочу, чтобы меня выставляли больной.

Улыбка Морроу стала менее заметной.

— Никто и не собирается называть вас больной.

— Но рисунок выглядит именно так.

— Это художественное преувеличение.

— Вы нарисовали меня так, будто я могу сломаться, если кто-нибудь слишком громко хлопнет дверью.

Он внимательно посмотрел на неё.

— А разве вы не производите такого впечатления?

Джоанна стиснула руки на коленях.

— Я не знаю.

— Вот видите. Публика сама решит, что перед ней. Мы лишь предложим ей красивую историю.

Он достал другой лист.

— Что касается условий, вы будете получать жалованье, проживание и питание. Костюмы предоставляет цирк. Расходы на дорогу между городами также берём на себя. Взамен вы обязуетесь участвовать в представлениях, репетициях и рекламных мероприятиях.

— Сколько я буду получать?

Морроу назвал сумму. Джоанна быстро подсчитала, сколько останется после расходов, которые он перечислил следом. Почти ничего.

— Но вы сказали, что проживание входит в оплату.

— Совершенно верно. Однако существуют хозяйственные удержания. Стирка, расходные материалы, обслуживание костюмов. Вы же понимаете, что всё это стоит денег.

— Значит, я буду платить за костюм, который мне не принадлежит?

— Не платить, дорогая. Участвовать в общих расходах.

Она подняла на него глаза.

— А если я захочу уйти?

Морроу положил авторучку.

— Почему вы спрашиваете об этом прежде, чем начали работать?

— Я хочу понимать условия.

— Разумно. Очень разумно.

Он снова улыбнулся, но теперь Джоанна заметила, что глаза у него остались холодными.

— Контракт рассчитан на сезон. Если артист желает прекратить работу раньше, мы обсуждаем компенсацию понесённых затрат. Впрочем, уверен, до этого не дойдёт.

— Можно мне прочитать договор?

Морроу несколько секунд молчал. Потом протянул ей листы.

— Конечно. Я бы даже настоятельно рекомендовал.

Джоанна начала читать. Текст был напечатан мелко, с множеством юридических выражений, которые она понимала лишь приблизительно. Некоторые пункты повторялись в разных формулировках. Особенно часто встречались слова «обязательство», «возмещение» и «усмотрение руководства».

— Здесь написано, что я должна выполнять дополнительные поручения, — сказала она.

— В рамках деятельности цирка.

— Какие именно?

— Например, участвовать в рекламной съёмке, раздавать афиши или встречать гостей.

— А если поручение мне не понравится?

— Мы всегда стараемся учитывать пожелания артистов.

— Но здесь этого нет.

Морроу слегка подался вперёд.

— Джоанна, я вижу, вы образованная девушка. Поэтому позволю себе говорить откровенно. Вчера вы пришли ко мне без рекомендаций, без опыта и, насколько я понял, без средств

к существованию. Я предложил вам возможность начать новую жизнь. Однако цирк — не благотворительное учреждение. Мне необходимо знать, что я могу на вас рассчитывать.

Она смотрела на договор.

— Я понимаю.

— Надеюсь. Потому что я уже распорядился подготовить ваш номер. Люди работают, художник рисует афишу, костюмеры подбирают ткани. Всё это расходы.

— Но я ещё ничего не подписала.

— Именно поэтому мы и беседуем.

Морроу говорил мягко, почти ласково. От этого Джоанне становилось только хуже.

Она вспомнила мать, которая всегда умела превращать отказ дочери в доказательство её неблагодарности.

— Можно мне подумать до вечера?

Август долго смотрел на неё. Затем неожиданно рассмеялся.

— Разумеется. Я же не чудовище, Джоанна.

Он забрал договор, аккуратно выровнял листы и положил их в папку.

— Приходите после дневной репетиции. И не беспокойтесь так сильно. Я уверен, мы найдём общий язык.

Она поднялась. Уже возле двери Морроу окликнул её:

— И ещё одно.

Джоанна обернулась.

— Постарайтесь сегодня хорошо поесть. Нам предстоит много работы, а я не хочу, чтобы вы упали в обморок на первой же репетиции.

Он улыбался. Джоанна вышла, так и не поняв, было ли это проявлением заботы или ещё одним замечанием о её теле.

Репетиция проходила в главном шатре.

Без зрителей он выглядел совершенно иначе. Пустые ряды деревянных скамеек поднимались к тёмному полотняному куполу. В воздухе висела пыль, подсвеченная косыми солнечными лучами. Под ногами хрустели опилки, а где-то наверху рабочий ругался, пытаясь закрепить неисправный прожектор. На арене стояли несколько ящиков, деревянная ширма и старый рояль с пожелтевшими клавишами.

Виола ждала Джоанну возле костюмерного стола.

— Ну что, показал тебе свой шедевр?

Джоанна кивнула.

— Вы знали?

— Я помогала выбирать ткань.

— И вам кажется, что это хорошая идея?

Виола отложила игольницу.

— Смотря для кого.

— Для меня.

Женщина посмотрела на неё внимательнее.

— А тебе самой как кажется?

Джоанна опустила глаза.

— Я не хочу, чтобы люди смеялись.

— Они будут.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Но Морроу сказал...

— Август много чего говорит.

Виола присела на край ящика.

— Послушай, девочка. Зрители смеются, когда им страшно, когда неловко и когда хочется почувствовать себя лучше других. Иногда они аплодируют тому же самому человеку, над которым пять минут назад издевались. Мы не можем управлять тем, что у них в головах.

— Тогда почему вы здесь остались?

Виола долго молчала. В глубине шатра кто-то уронил металлическую стойку. Раздался грохот, за которым последовала отборная ругань.

— Потому что однажды я решила, что лучше быть чудовищем за деньги, чем бесплатно, — ответила она наконец.

Джоанна подняла глаза.

— Вы не чудовище.

— Это ты так думаешь. Мой отец считал иначе. Врач, который принимал роды у моей матери, предложил удалить лишние пальцы, пока я ещё младенец. Сказал, что так мне будет легче выйти замуж. Представляешь? Я ещё не научилась держать голову, а взрослые мужчины уже обсуждали, насколько привлекательной окажусь для будущего мужа.

Она подняла руку и пошевелила шестью пальцами.

— Мать отказалась. За что я ей благодарна до сих пор. Но в школе дети хватали меня за руки, пытались пересчитать пальцы, спрашивали, не ведьма ли я. Когда мне исполнилось шестнадцать, один парень предложил деньги за возможность показать меня своим друзьям.

Джоанна почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Это ужасно.

— Это было давно.

— Но ведь от этого не становится лучше.

Виола посмотрела на неё с неожиданной мягкостью.

— Нет, дорогая. Не становится.

Она взяла со стола кусок тёмной ткани.

— Август нашёл меня, когда я выступала в дешёвом балагане. Там мне платили гроши, а хозяин разрешал посетителям трогать мои руки. Август предложил отдельный номер, приличный костюм и долю от выручки. Тогда мне казалось, что я выиграла счастливый билет.

— А теперь?

Виола провела пальцами по ткани.

— Теперь мне пятьдесят четыре, и я умею считать не только деньги, но и то, во что они мне обошлись.

Джоанна молчала. Она вдруг поняла, что Виола вовсе не собирается убеждать её остаться. Но и не предлагает уйти.

— Вы любите мистера Морроу? — осторожно спросила она.

Виола усмехнулась.

— Ты задаёшь опасные вопросы.

— Простите.

— Перестань извиняться за каждый вдох.

Она поднялась и подошла к Джоанне.

— Я любила человека, который однажды дал мне возможность перестать стыдиться собственного тела. А потом слишком поздно заметила, что он научился продавать мою свободу вместе с билетами.

— Почему вы не уходите?

— Потому что за двадцать семь лет у человека появляется слишком много причин остаться. Даже когда он уже не может вспомнить первую.

Виола осторожно поправила воротник платья Джоанны.

— Но это моя история. Не позволяй никому убедить тебя, что она обязательно должна стать твоей.

Зейн появился на репетиции ближе к полудню.

Сначала Джоанна услышала его голос за кулисами.

— Я сказал, что не собираюсь этого делать.

— А я сказал, что сегодня у нас генеральная репетиция, — ответил Морроу.

— Тогда репетируй сам.

— Зейн.

В голосе хозяина цирка появилась сталь. Несколько секунд было тихо. Потом из-за занавеса вышел Зейн. За ним следовал Август.

— У нас гости, — заметил Морроу, увидев Джоанну. — Прекрасно. Зейн, познакомься с нашей новой артисткой.

— Уже знаком.

— Тем лучше. Я хотел бы, чтобы ты помог ей освоиться на арене.

Зейн остановился.

— С чего бы?

— Потому что ты прекрасно чувствуешь пространство и умеешь работать со светом.

— Найди ей другого учителя.

Морроу подошёл ближе.

— Ты ведь понимаешь, что я не прошу тебя преподавать ей балет. Нужно всего лишь показать, как правильно выходить из-за кулис, куда смотреть и где останавливаться.

— Для этого у тебя есть Виола.

— Виола занимается костюмом.

Зейн раздражённо провёл рукой по волосам.

— И что ты хочешь, чтобы я с ней сделал? Научил красиво стоять?

Джоанна почувствовала, как краснеет.

— Я могу уйти, если мешаю.

— Вот, — сказал Зейн, обращаясь к Морроу. — Девушка предлагает разумное решение.

Август даже не посмотрел на него.

— Джоанна, останьтесь.

Она остановилась. Морроу повернулся к Зейну.

— Мы договорились о сегодняшней репетиции ещё вчера. Я рассчитываю, что ты выполнишь свою часть работы.

Между мужчинами повисло напряжение. Зейн смотрел на хозяина цирка так, словно хотел сказать что-то гораздо более неприятное, чем позволял себе при посторонних.

Наконец он усмехнулся.

— Как скажешь, босс.

Морроу кивнул.

— Отлично. Начните с простого выхода.

Он удалился к рабочим. Зейн проводил его взглядом, затем повернулся к Джоанне.

— Ну что, фарфоровая девочка. Идём.

Она осталась стоять.

— Меня зовут Джоанна.

— Я знаю.

— Тогда называйте меня по имени.

Он посмотрел на неё с явным удивлением.

— А ты всегда такая требовательная?

— Я попросила только об одном.

Зейн усмехнулся.

— Ладно, Джоанна. Выйди на арену.

Она прошла несколько шагов и остановилась.

— Не здесь, — сказал он.

Она обернулась.

— Где?

— Там, где свет.

— Я не вижу отметки.

— Потому что смотришь себе под ноги.

Он подошёл, взял её за локоть и передвинул чуть левее. Джоанна отшатнулась.

Зейн отпустил руку.

— Что теперь?

— Вы могли просто сказать.

— Я сказал. Ты не поняла.

Она хотела возразить, но он уже отошёл к краю арены.

— Ещё раз. Из-за занавеса. Медленно.

Джоанна вернулась на исходную позицию.

— И не сутулься, — добавил Зейн.

Она выпрямилась.

— Не настолько. Ты не на военном смотре.

Она попыталась расслабить плечи.

— Руки не прижимай к бокам.

Джоанна сделала ещё одну попытку.

— Господи, — пробормотал он.

Она остановилась.

— Что?

— Ты вообще когда-нибудь ходила перед людьми?

— Каждый день.

— Тогда почему сейчас двигаешься так, будто ждёшь, что тебя ударят?

Слова попали слишком точно. Джоанна опустила глаза.

— Я не знаю, чего вы от меня хотите.

— Чтобы ты прошла десять шагов и не выглядела так, словно извиняешься за собственное существование.

Она медленно подняла голову.

— Я не извиняюсь.

— Тогда перестань это изображать.

Несколько секунд она смотрела на него. Потом вернулась за занавес. На этот раз вышла иначе.

Не пытаясь угадать каждое его замечание. Не следя за тем, правильно ли держит руки. Она просто прошла по арене и остановилась в круге света.

Зейн молчал. Джоанна повернулась к нему.

— Так?

Он скрестил руки.

— Уже лучше.

Она выдохнула.

— Спасибо.

— Не благодари. До хорошего ещё далеко.

Он подошёл ближе, окинул её взглядом и нахмурился.

— Морроу действительно собирается выставить тебя в таком виде?

— Он хочет сделать номер про фарфоровую девушку.

— Я видел афишу.

— И что вы думаете?

Зейн посмотрел на пустые зрительские места.

— Думаю, старик нашёл ещё один способ заработать на чужих несчастьях.

Джоанна не ожидала такого ответа.

— Но вы ведь сами здесь выступаете.

Он повернулся к ней.

— И?

— Значит, вас это устраивает?

Зейн засмеялся. Смех получился коротким и неприятным.

— Ты правда считаешь, что если человек продолжает что-то делать, значит, ему это нравится?

— Нет. Я просто...

— Просто решила, что все здесь счастливы, потому что Морроу раздаёт нам еду и разрешает спать под крышей?

Джоанна почувствовала раздражение.

— Вы постоянно приписываете мне слова, которых я не говорила.

Он замолчал. Она сама удивилась тому, насколько твёрдо прозвучал её голос.

— Я приехала сюда вчера. Ничего не знаю о вас, о других артистах и о том, как устроен цирк. Но вы разговариваете со мной так, будто я лично виновата во всём, что вам здесь не нравится.

Зейн внимательно смотрел на неё.

— А ты, оказывается, умеешь огрызаться.

— Я умею разговаривать. Было бы неплохо, если бы вы тоже попробовали.

Он медленно улыбнулся. Но в этой улыбке не было ни тепла, ни дружелюбия.

— Осторожнее, Джоанна. Не со всеми стоит разговаривать таким тоном.

Она почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Это угроза?

— Просто совет.

— Мне не нужны ваши советы.

— Тогда перестань вести себя как дура.

Он развернулся, собираясь уйти.

— Подождите.

Зейн остановился. Джоанна стиснула пальцы.

— Я видела ваше выступление вчера.

Он обернулся.

— И?

— То, что произошло на арене... это был трюк?

Его лицо изменилось. Не сильно. Исчезла насмешка, взгляд стал тяжёлым.

— Какой именно?

— Когда погас свет. И вы...

Она запнулась, пытаясь подобрать слова. Вчера на несколько мгновений ей показалось, что за спиной Зейна движется что-то отдельное от его тела. Тень не повторяла его движений. А когда он поднял голову, его глаза выглядели совершенно чужими. Джоанна всю ночь убеждала себя, что это игра света.

— Когда вы изменились, — закончила она.

Зейн медленно подошёл.

— Ты видела?

— Я сидела в первом ряду.

— Я не спрашиваю где ты сидела.

Она отступила.

— Я не понимаю.

Он остановился совсем близко.

— Что именно ты видела, Джоанна?

В шатре продолжали работать люди. Где-то стучал молоток, скрипели блоки, переговаривались музыканты.

Но Джоанна вдруг почувствовала себя совершенно одной.

— Тень, — прошептала она. — За вашей спиной. Она двигалась не так, как вы.

Зейн долго смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на её руки. Они дрожали.

— Любопытно, — сказал он.

— Что?

— Обычно люди замечают только то, что им показывают.

Он отступил. Джоанна облегчённо вдохнула.

— Значит, это был не трюк?

Зейн поднял с ящика пачку сигарет.

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что вы могли бы ответить нормально.

Он усмехнулся.

— Ты очень многого хочешь от человека, которого видишь второй день.

Зейн направился к выходу. У самого занавеса он остановился.

— И ещё кое-что, фарфоровая девочка.

Она сжала губы, но промолчала.

— Если Морроу даст тебе договор, прочитай каждую строчку. Особенно ту, где говорится о долгах.

— Я уже читала.

— Тогда прочитай ещё раз.

— Почему?

Он посмотрел на неё через плечо.

— Потому что отсюда гораздо легче войти, чем выйти.

К вечеру Джоанна вернулась к кабинету Морроу. В руках она держала договор.

В течение нескольких часов девушка перечитывала его, выписывала непонятные слова и пыталась разобраться, какую сумму должна будет выплатить цирку в случае досрочного ухода.

Цифры не сходились. Слишком многое зависело от расходов, которые руководство могло определять самостоятельно. Август встретил её радушно.

— Ну что, дорогая, приняли решение?

Джоанна села.

— Я хочу изменить несколько пунктов.

Он приподнял брови.

— Вот как?

— Да. Мне нужно, чтобы жалованье было указано без дополнительных удержаний, кроме заранее перечисленных. И чтобы я могла уйти, предупредив вас за две недели.

Морроу отложил бумаги.

— Кто вам это посоветовал?

— Никто.

— Джоанна?

Она почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Я сама прочитала договор.

Он некоторое время смотрел на неё. Потом медленно кивнул.

— Что ж. Признаю, вы меня удивили.

— Это плохо?

— Напротив. Я уважаю людей, которые умеют отстаивать свои интересы.

Он взял авторучку.

— Однако вы должны понимать, что цирк не может работать без дисциплины. Представьте, если каждый артист решит уйти за две недели до окончания сезона. Кто будет выступать? Кто возместит затраты на рекламу?

— Можно указать определённую сумму.

— Можно.

Морроу улыбнулся.

— Но она окажется значительно выше, чем вы рассчитываете.

Джоанна опустила глаза. Он помолчал, затем неожиданно придвинул к ней чистый лист.

— Давайте поступим иначе. Вы подпишете временное соглашение на две недели. За это время мы подготовим ваш номер и проведём первые выступления. Если вы поймёте, что цирк вам не подходит, расстанемся без взаимных претензий. При условии, разумеется, что вы не повредите имущество и выполните согласованные обязанности.

Она подняла голову.

— Правда?

— Разумеется.

— И никаких долгов за костюмы?

— Если вы отработаете эти две недели, никаких.

Джоанна почувствовала облегчение.

— Тогда я согласна.

Морроу протянул руку.

— Вот и прекрасно.

Она пожала её. Его ладонь была сухой и тёплой.

— Завтра начнём подготовку вашего номера, — сказал он. — Виола уже подобрала музыку. А сегодня советую отдохнуть.

Джоанна встала. У двери она обернулась.

— Мистер Морроу?

— Да, дорогая?

— Я не хочу, чтобы зрителям говорили, будто я больна.

Август внимательно посмотрел на неё.

— Хорошо. Мы изменим текст объявления.

— И я хочу сама посмотреть костюм, прежде чем выходить на сцену.

Он кивнул.

— Разумеется.

Она поблагодарила его и вышла.

Август дождался, пока шаги стихнут за дверью. Потом открыл нижний ящик стола и достал тонкую папку. На её обложке значилось имя Джоанны.

Он вложил внутрь подписанное временное соглашение, аккуратно расправил уголки и сделал короткую запись в бухгалтерской книге. Затем позвонил в маленький серебряный колокольчик.

Через минуту вошла Виола.

— Ты звал?

— Да. Наша новенькая оказалась сообразительнее, чем я предполагал.

Виола посмотрела на папку.

— Она подписала?

— Временное соглашение.

— На две недели?

— Именно.

Виола медленно скрестила руки.

— Август, не начинай.

Он поднял глаза.

— Что именно?

— Я знаю, как ты умеешь превращать временные соглашения в постоянные.

Морроу улыбнулся.

— Дорогая, ты говоришь так, словно я держу людей здесь силой.

— Нет. Ты просто делаешь так, чтобы им было некуда уйти.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Август закрыл папку.

— Подготовь ей костюм. И попроси художника переделать афишу. Девушка не хочет, чтобы публика считала её больной.

— И что ты придумал?

Он взял карандаш и написал на чистом листе несколько слов. Виола прочитала. Лицо её стало мрачным.

— Ты отвратительный человек.

— Зато хороший предприниматель.

На листе было написано:

«ЖИВАЯ КУКЛА. ДЕВУШКА, КОТОРАЯ НЕ ЧУВСТВУЕТ ГОЛОДА».

Вечером над цирком поднялся ветер. Он шевелил выцветшие флаги, гонял по дорожкам бумажные стаканчики и приносил с кукурузных полей сухой шелест, похожий на шёпот.

Джоанна сидела возле вагончика, поджав ноги. В руках она держала временное соглашение.

Две недели. Четырнадцать дней, за которые она сможет заработать немного денег и решить, что делать дальше. Ей хотелось верить, что это начало новой жизни.

Вдалеке зажглись огни главного шатра. Рабочие проверяли электричество перед вечерним представлением. Из открытого окна соседнего фургона доносилась музыка, прерываемая помехами радиоприёмника.

Джоанна подняла голову, услышав шаги. По дорожке шёл Зейн.

Он остановился, заметив бумагу в её руках.

— Подписала?

— Да.

— Полный контракт?

— Временный. На две недели.

Зейн посмотрел на неё внимательнее.

— И что обещал?

— Что после этого я смогу уйти без долгов.

Он засмеялся. Не громко. Но так, что Джоанна сразу почувствовала себя снова глупой.

— Что смешного?

Зейн достал сигарету.

— Ничего. Просто Морроу становится всё изобретательнее.

— Вы считаете, что он меня обманул?

— Я считаю, что ты понятия не имеешь, с кем связалась.

Джоанна поднялась.

— Тогда объясните.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Вы весь день говорите загадками. Сначала советуете читать договор, потом смеётесь, когда узнаёте, что я подписала другой. Если знаете что-то важное, почему просто не расскажете?

Зейн помолчал.

— Потому что это не моя проблема.

— Тогда зачем вы вообще вмешиваетесь?

Он сделал шаг ближе.

— Хочешь знать правду? Хорошо. Морроу не берёт людей просто так. Он не благотворитель и не добрый старик, который подбирает потерявшихся девочек на дороге. Он увидел, что тебе некуда идти, и понял, что ты будешь благодарна за любую подачку. Даже если сначала придётся убедить тебя, что это подарок.

Джоанна почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Я не просила подачек!

— Нет. Ты попросила работу. Именно так, как он и хотел.

— Вы ничего не знаете обо мне.

— Достаточно знаю.

— Что именно?

Он окинул взглядом её платье, чемодан у ступеней, аккуратно сложенный договор.

— Что ты привыкла слушаться. Что боишься лишний раз кому-нибудь возразить. И что теперь отчаянно хочешь доказать самой себе, будто впервые поступила по-своему.

Джоанна побледнела. Он говорил жестоко, намеренно выбирая слова, которые могли причинить боль.

И хуже всего было то, что некоторые из них попадали в цель.

— Вы ошибаетесь, — произнесла она.

— Возможно.

— Я не обязана перед вами оправдываться.

— Вот и не оправдывайся.

Зейн развернулся.

— Подождите, — сказала Джоанна.

Он раздражённо обернулся. Она крепко держала договор, стараясь не показать, как дрожат пальцы.

— Почему вы сами не уходите?

Ветер донёс запах табака. Зейн долго смотрел на неё.

— Что?

— Если здесь всё так ужасно, почему вы остались? Почему каждый вечер выходите на арену? Почему позволяете Морроу распоряжаться вами?

Его лицо стало совершенно неподвижным. Джоанна сразу поняла, что сказала что-то не то.

Но он не повысил голос. И от этого стало страшнее.

— Потому что, — медленно произнёс Зейн, — некоторые вещи нельзя оставить за воротами цирка.

— Какие вещи?

Он приблизился. Джоанна отступила к ступеньке. Зейн наклонился, и на мгновение ей показалось, что свет фонаря за его спиной изменился. Тень на земле вытянулась. Она не соответствовала его движениям. Джоанна застыла.

Зейн заметил, куда она смотрит.

— Вот именно, — тихо сказал он.

Ветер стих.

Тень продолжала шевелиться. Она медленно скользнула по земле, будто пытаясь добраться до её ног.

Джоанна отступила ещё на шаг. Зейн выпрямился.

Тень исчезла.

Всё снова стало обычным.

Фонарь. Пыльная дорожка. Далёкая музыка.

— Спокойной ночи, Джоанна, — сказал он.

И ушёл, оставив её стоять возле вагончика с договором в руках.

Она долго смотрела ему вслед. Потом опустила глаза на землю. Там, где несколько секунд назад двигалась чужая тень, лежал окурок. Совершенно обычный.

Джоанна медленно села на ступеньку.

Ей хотелось убедить себя, что всё произошло из-за света. Из-за усталости. Из-за того, что она почти не спала и слишком много пережила за последние сутки.

Но она видела то же самое вчера. На арене. И теперь уже не могла притворяться, будто ей показалось.

За главным шатром раздался звон колокольчика, созывающий артистов к вечернему представлению.

Джоанна посмотрела на подписанный договор.

Две недели. Всего две недели.

Она повторила это про себя несколько раз.

И всё же впервые с момента приезда задумалась не о том, куда пойдёт после цирка.

А о том, действительно ли ей позволят уйти.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.